

Риина Юлман

ОРДЕН
ВОЛОНТЁРОВ

Риина Юлман
Орден волонтеров.

«Литнет»

2026

Юлман Р.

Орден волонтеров. / Р. Юлман — «Литнет», 2026

Kyara Ry. Была бы возможность, миллион звездочек бы поставила. Потрясающая история, оторваться невозможно. С полным погружением в средневековье, в эмоции и жизнь героев. Спасибо!!!Трудолюбивые волонтеры-попаданцы успешно осваиваются в Средневековье. Для них надёжный тыл — это не только сплочённая команда, но и семья. Барон Андреас фон Мюнних наслаждается счастьем в браке, но что происходит с остальными героями, включая главную героиню? Найдётся ли для сильной личности Линды такой же сильный духом мужчина? Ведь женщина, сумевшая в жестокие времена пробудить в людях сострадание, объединившая их в Орден волонтеров, достойна личного счастья!Жизнь персонажей претерпевает значительные изменения. Чума надвигается, она всё ближе. На границе графства неспокойно. Чтобы понять закономерности развития государства в Средневековье, героям предстоит пройти через испытания. Они начинают закладывать основы преобразования этого жестокого мира.Формируются первые ячейки Ордена Волонтеров. Однако аристократия, церковь и городской патрициат не спешат делиться ресурсами и властью. ББ и разведка внимательно следят за происходящим.Продолжение бесплатной первой книги «Волонтеры в Средневековье»Книга вторая «Орден волонтеров».Книга третья «Приключения волонтеров».Книга четвёртая «Миссия волонтеров».Книга «Сага о волонтерах» объединяет под одной обложкой все четыре предыдущие, и за ту же цену туда войдёт книга пятая «Мир волонтеров». Пока в работе, подписка в ноябре.В книге есть АНТИалкогольная пропаганда. Поэтому ИИ по словосочетаниям определяет её в 18+.

© Юлман Р., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Часть первая. Глава первая.	6
Глава вторая.	11
Глава третья.	15
Глава четвертая.	18
Глава пятая.	22
Глава шестая.	26
Глава седьмая.	32
Глава восьмая.	36
Глава девятая.	39
Глава десятая.	43
Глава одиннадцатая.	50
Глава двенадцатая.	56
Глава тринадцатая.	60
Глава четырнадцатая.	64
Глава пятнадцатая.	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Часть первая. Глава первая.

Амелинда.

Никто меня не торопил, не подгонял. Я чувствовала себя малышкой, которую держит за ручки мама, когда учит ходить. И всё же нужно, непременно нужно сделать один крохотный шаг и ещё, и ещё... Счастье-то какое: безопасно, тёплая большая мама рядом, я иду ножками! Сама! Засмеялась радостно, вздохнул, по-детски. Очень раннее воспоминание. Из тех, что хранятся в глубинах подсознания. Сознание их не помнит. Драгоценнейшее переживание, сохранить бы его надолго. Тот, кто мне его подарил сейчас, не может причинить зло.

Линда, собралась! Спуск сложный. Ступала осторожно, освещение от сгруппировавшихся в ленту искорок было туманным, рассеянным, зато ясно обозначало направление движения и пару ступеней впереди. Мне так захотелось обернуться: не вернуться, нет. Просто увидеть, не закрылся ли проход? Удалось с некоторым трудом повернуть голову. Слабые отблески факелов подземелья были видны в круглом отверстии наверху. Открыто.

Это подбодрило меня. Медленно спускаясь дальше, я уже думала о возвращении. Почему я? Отпустит ли в этот раз? Как скоро? Куда я вернусь? В какой век и время?

- Даже ничего ценного с собой не успела взять, грустно квакнула Пучеглазка.

- Самим бы уцелеть, один атом не туда, другой не сюда, и размажет по временам, мирам и пространствам. Квакнуть не успеешь: занесет, куда Макар телят не гонял, к динозаврам, например. Умеет мой благоразумный друг успокоить.

Пришла. Уютнее тут стало вроде? По сравнению с прошлым разом. Суше, теплее, свет мягкий. Меня отпустило. Шла уже по своей воле. Проверю. Вернулась и снова со дна этого колодца с лестницей взглянула вверх. Не заперто. Стены пока нет. Вот и «следы» нашего прошлого пребывания: салфетки от бутербродов. Подняла, в поясной мешочек, нечего мусору валяться. Отпечатки наших ботинок на пыльной центральной дорожке. Подкоп Виктора, у другой стены ямка-туалет. Делать дальше что? А, Голос Разума?

- Повторить все действия, как в прошлый раз. По методу крыс в лабиринте. Вдруг сработает?

Стену долбить не надо. Есть не хочу, пить не хочу, в туалет не хочу. Поговорить не с кем. Что мы ещё делали? Ходим, гуляем. Вид всё тот же: комнаты с арочными входами слева. Ленточка везде за мной вьётся, как пылинки в луче света, которого нет. Интересно, если руку туда... Ой!!! Ф-фух, блин. Рука исчезла на миг до середины ладони. Показалось? Повторять не буду, а то пожмёт кто – ни будь с той стороны. Страшненько. Возле камушка надо посидеть, где он тут был, тогда втроём сидели.

Ну, куда ж ему деваться с подводной лодки? Вот он, родимый. В последней от входа комнате. Сидим, ждём, думаю думаем. Колбаса ароматная... Всё подземелье пропахло чесночной копчёностью с дымком. Вроде на пиру наелась, но не до отвала, как положено. Работы много было. В правой руке намертво зажаты два круга, жир уже стекает по ладони. Салфеточку на артефакт, одна пусть тут пока полежит. Вторую колбаску, зажав в салфетку, я начала задумчиво подгрызать. Не заметила, как уговорила. Полумрак, тихо, тепло, сытно. Первый раз мы уснули здесь. А вздремнуть, правда, хочется, столько суеты в последнее время было, недосып у меня, Совушки, хронический.

Снилась всякая подсознательно-бытовая хрень. Видимо, каждый раз Божьей благодати не положено. Лимит исчерпан. Я встала, поправила свою кучу юбок. Что-то неуловимо изменилось, не могу понять, но чувствую. Чувствую – нет запаха моей колбасы! Абсолютно! Её тоже нет, исчезла вместе с запахом. Ну вот как так-то? Я её съела в голодном припадке лунатизма? С салфеткой? Артефакт со...скушал?

Господи! Прости, что поминаю все. Вот я бестолковая! Подземелье ведь, крысы уволкли. Очень, очень умные животные. Сколько поведенческих экспериментов мы с ними моделировали, крысы всегда находили правильный ответ и достойный выход. Многие в виварии даже до пенсии доживали. Пенсионер Крис сначала в поилку залезал и тщательно намылся, потом ждал свежей воды. Он смешно облысел, перенёс инсульт и ползал в туалет на передних лапках. Интересно, а если бы эволюция разума пошла по этому пути? У них милые крошечные ладошки, так похожи на человеческие. Крысы и люди единственные живые существа, кто может затравить до инфаркта и убивать своих соплеменников напрямую не от голода, просто так, из интереса.

Куда меня мыслями понесло, сколько я тут нахожусь? Отдохнула, пора и честь знать. Валим отсюда. Выход открыт по-прежнему. Выход куда? Вихляйся, не вихляйся, Амелинда Эдуардовна, а проверять придётся.

Да, ещё одно дело напоследок. Италии потом расскажу, пусть успокоится.

- Э-э, да... Многоуважаемый Артефакт, приветствую Вас и прошу прощения за наше некорректное поведение в предыдущую встречу.

- Приветствую. Принято к сведению.

Пришлось снова сесть. Визжать то ли от страха, то ли от радости хотелось, но не могло. Горло перехватило. Есть контакт. Но вот голосов чужих в мозгу мне не надо. Своих хватает. С другой стороны, если Оно по-другому не умеет? Но мне от этого сильно поплохело.

- Прямые сигналы слухового центра и распознавания речи заменены на внешние звуковые волны. Удобно?

- Да. Спасибо. Давайте немного помолчим. Помолчали. Я даже мыслями молчала. Как бы предохранители не сгорели. Голос, исходящий от камня, как от колонки, был почти человеческий, не мужской, не женский, без интонаций, но с необходимыми паузами.

- Включаю фиксацию происходящего. Я Планетоид. Конкретно этой планеты. Функция — сборщик и пользователь информации максимально высшего уровня. Неорганический. Разумный. Безэмоциональный. Созданный. Цель — поиск и налаживание контактов с себе подобными.

- Приятно познакомиться. Личное имя Амелинда. Гуманоид. Универсал. Создаю, перерабатываю, получаю, храню информацию. Делюсь информацией, искажаю информацию, уничтожаю ненужную. Органический, разумный результат эволюции. Человек, женщина. Суперэмоциональная. Самовоспроизводящаяся структура. Цель не определена.

И мы не лыком шиты, господин Планетоид! Имя-то у него есть?

- Ваша группа гуманоидов называет меня ББ, Большой Босс. Согласен, мне подходит. Нет, не Создатель, повторяю — созданный.

- Уважаемый Босс, прошу отключить функцию расшифровки мыслительной деятельности моего мозга. Не подслушивай мысли, это сильно исказит взаимопонимание. Много помех.

- Понял, выполнил. Обменяемся информацией.

- За этим на ковёр вызвал? Надеюсь, обмен будет взаимовыгодным. Чем интересуетесь? Последние сплетни, мода, открытия?

- Я знаю всё, что происходило и происходит на планете. Могу переместить любую структуру во времени и в пространстве. Создать из доступных атомов новую. Отсутствуют функции эмоций и чувств, это тоже источник информации. Они мне нужны. Как перевести их в логические понятия, чтобы я мог усвоить.

- У-у-у, как всё запущено. В логические понятия эмоции, чувства перевести нельзя. С моей точки зрения. Даже не знаю, это нужно было тебе кого повыше рангом заманить. Доктора наук, академика. Мужчину. Я смутно вижу только один путь. Бери пример с людей. Если у человека чего-то нет, то он это создаёт или присваивает, отнимает у другого. Активно ищет либо ждёт, пока появится, покупает, обменивает. Делает вид, что уже имеет, думает, а надо ли

мне это? Замещает другим. Отказывается, понимает, что нафиг не было нужно. Много способов. Выбирай.

- Выбор сделан. Жду, пока данная функция появится.

- Умничка, ББ! Появится, непременно! Сколько тебе лет? Возраст какой? В человеческом летоисчислении?

- Четыре с половиной миллиарда лет, может, больше немного. Информация не сохранилась. Песчинкой был.

- Какие твои годы! Молоденький совсем! Ты неорганический разумный, кремниевый, мы органические. У тебя, вероятно, эволюция идёт ровно наоборот. У нас сначала примитивная форма и первичные эмоции, затем усложнение. Ты сначала выстраиваешь суперсложную матрицу, потом в ней появятся эмоции. Если уже не появились. Скажи, зачем тебе в принципе нужна информация?

- Собрать, хранить, обменяться.

- Зачем собирать, хранить, обмениваться?

- Увеличение количества.

- Зачем? Что тебе даст без конца увеличиваемое количество информации? Думай, Босс, думай!

- Новое качество. Эмоции. Чувства.

- Ещё каких-то полмиллиарда лет, и ты влюбишься впервые! В какой-нибудь ближайший тёплый и уютный источник или хранитель этой твоей долбаной информации.

- В Астероид.

- Астероиды разумны?

- У каждой звезды внутри, в ядре, находится свой Астероид. Астра – звезда. Ближайший Астероид тёплый, не горячий. Обмен информацией затруднён, у него плазменная структура.

- Люди называют это несхожесть характеров, недопонимание. Ты ждёшь обмена с другими Планетоидами, Астероидами и прочими разумными твоего уровня? Работаешь в этом направлении? Тебе это нужно?

- Да. Это моя цель.

- Ты на верном пути, Босс! Ожидание, стремление к цели, нуждаемость – это всё категории эмоций. Начнёшь переживать их по-настоящему, мало информации не покажется. Ещё чем могу помочь?

- Гуманоиды, когда Дальний Космос осваивать начнёте. С ближайшими представителями моей разумной расы я наладил контакт. Логически рассуждая, их бесконечное множество. Расстояние мне не позволяет общаться с дальними разумными. На вас был расчёт, вы быстро эволюционировали. Создали цивилизации, размножились. Думал, вот-вот, скоро. А вы чем занимаетесь?

- Чем мы занимаемся?

- Самоуничтожением, вы – раса агрессивных самоубийц. Скоро планету разнесёте на атомы, вместе со мной. Тупиковая ветвь эволюции. И этим тупым созданиям Создатель дал право выбора. Не мне.

- Поэтому ты нас заманил, переместил в прошлое? На более раннее разветвление истории, для коррекции? Кстати, поздравляю, ты возмущён, это эмоция. Мы, люди, такие. Любого Планетоида до ручки доведём.

- Да, для коррекции.

- Есть план? Мы что, догадываться должны? Действовать снова методом проб и ошибок?

- Вот этого не надо. План простой. Все органические существа, достигая критической массы, начинают активно перемещаться, захватывая пространство. В вашем случае Космос. Задача первая: народонаселение планеты должно к двадцать первому веку вашего летоисчисления максимально увеличиться.

- Правильно понимаю, людей должно стать как можно больше на Земле? Критическая масса. Есть маленький нюансик: становится тесно – больше агрессии, пандемии всякие, войны, снова меньше людей. Саморегуляция. Синусоида.

- Задача вторая: снизить уровень агрессии, повысить уровень медицины. Задача третья – ускорить прогресс.

- Легко сказать. Помощь будет? Сверхспособности, чудеса там всякие, магия? Вечная жизнь?

- Нет. С этим не ко мне. Я помогаю, подталкиваю вас в нужном направлении, если плохо понимаете – получаете наказание.

- Ясно. Как крысы. Колбасу мою получили, точнее, спёрли, значит, всё делают правильно.

- Колбасу я употребил. Сложная структура, много богатых межмолекулярной энергией связей. Положительно влияет на скорость мыслительных процессов.

- И салфетки?

- Целлюлоза, липиды, белки. Ароматические углеводороды.

- Вернёмся к нашим баранам...

- Баранов тоже можно.

- Ты жертвенный алтарь??? Ужас, с кем я тут веду беседу о гуманизме!

- По совместительству. Жертвуют, не отказываться же. Хороший источник энергии.

- Людей тоже?..

- Здесь нет. В Иерусалиме на Храмовой горе некто Авраам решил принести в жертву Создателю своего сына. Приснилось ему, видите ли, жертвоприношение. Я тогда сильно его напугал, чтоб и думать не смел сам и все его потомки. Мне разумные нужны живые и деятельные. Людей тогда около двухсот – трехсот тысяч всего на планете было.

- Ты как там оказался?

- Я в пределах планеты могу быть везде, где есть достаточная масса кремния.

- Алатырь-камень?

- Частенько навещаю. На другом континенте люди построили огромные сооружения из камней. Приносят человеческие жертвы. Я туда вообще перестал заглядывать. Прекратить нужно.

- Молодец, не одобряешь, значит. Будут тебе твои бараны. Только что я буду с этого иметь? Из моего комфортного времени выдернул, задачи непосильные, риск для моей тушки постоянный. За что на лестнице кувырчал?

Могу предложить вечные ценности: нормальный обмен веществ, здоровье хорошее, долголетие. Кувырчал не за что, а к кому. Самец человека, оптимальное сочетание с твоими генами. Потомство.

- Сводник к тому же. Не хочу потомство. Ладно, то, что мне предложил, перечислил, давай всем попаданцам, Верене тоже. И нашим семьям, настоящим и будущим. Лучшие бараны будут регулярно.

- Положительная информация. Принято. Тебе пора, мой первый знакомый гуманоид. Куда и когда желаешь?

- Даже так? Есть выбор? Могу вернуться в любое время?

- Можешь. Кроме будущего, которого не было и нет информации о нём для построения матрицы. Сами выбрали попасть в Средневековье. Вспомни, вы обсуждали в своём времени, вернуться и прийти завтра, либо закончить осмотр сегодня. Решили бы отложить на завтра – ничего бы не было. У вас всегда есть выбор. За какие заслуги только, непонятно. Определяйся.

- Ага! Завидуешь! Эмоция. Снова в замок, во двор, в момент, когда всадник появился...

- Ножками, ножками. До встречи, гуманоид, человек, самка Амелинда.

- До встречи, планетоид ББ!

Посмотрю по пути, чем семейка злыдней фон Бергер в тюремных камерах занята. Синдром Аспергера, это интересные объекты для наблюдения. Оказалось ничего интересного, за исключением живописных, статичных поз: охранник Стоян пирог хомячил, полузакрыв глаза от удовольствия.

Дебелая служанка волтузила орущую хрупкую госпожу Иоганну за волосы, натерпелась, бедная, за годы службы, да и решила за всё разом оторваться, может случая больше не представится. В камере рядом, совершенно спокойно, не обращая внимания на вопли маменьки и супруги, ужинали пирогами с вином отец и сын, слуга и два наёмника.

Они психически больные, их лечить надо, а будут пытаться, потом казнят. Естественный отбор в средневековом варианте. Расплата за кровосмешение.

Глава вторая.

Амелинда.

Силы на исходе, еле двигаюсь, ползу по стеночке, пройти коридор, потом снова лестница. Уже слышен шум. Ножками, ножками. "Топ-топ, топают малыши, прямо по дорожке, милый..." - звучит голос моей мамы, я подпеваю.

Изыди, ББ, из моего мозга! Не трогай святое! Лестница ли немного вскружила мне голову, эйфория от контакта с этим странным разумным или последствия объёмистого кувшинчика вина за молодых?

Точно. Я спяну заснула, и мне снится удивительный сон. Либо навернулась при нашем первом походе в замок с лестницы, лежу себе в платной палате в коме и всё себе сама сню. Очнусь, и буду нормально жить дальше, без чужих проблем вселенского масштаба.

Это профессиональная деформация такая, не надо близко к сердцу пациентов подпускать. А то что ни псих, то к моему берегу. За последним пациентом даже замужем была. Вот опять, ещё один, нервничает:

- Свербигузка! Да боярышня же!!! Линда! Очнись!

Гордей тряс меня за плечи так, что я слегка разохотелась к стенке затылком. Оказалось, он потерял меня прямо из объятий в танце, подумал, что убежала, испугалась страшной вести, и начал звать, искать в толпе. Нашёл. Я в ступоре прислонилась к стене у выхода из подвала, под лестницей.

- Зову, зову! Ты как неживая, глаза таращишь и молчишь. Испугал кто? Обидел? Укажи, на куски порву, кто бы ни был! Молви хоть слово, моя маленькая! Да что ж ты молчишь?!

Гладит по голове, в глаза заглядывает. Захихикала, я маленькая... Мои без маленького восемьдесят килограмм веса тряслись в беззвучном то ли смехе, то ли плаче. Боярский сын сграбастал меня в охапку и понёс в зал сквозь толпу, нравится тяжести таскать?

- Посторонись, посторонись, боярышне плохо! Он усадил меня на ближнюю лавку. Несколько пёстрых дам тут же отёрли моего спасителя. Трясли перед лицом рукавами. О! Веер надо в моду ввести.

- Чувствительная какая, а не скажешь!

- Я тоже страсть как испугалась!

- Воздуху ей, воздуху, где лекарь?

- Не надо, благодарю, дамы, мне лучше.

Пить хотелось после колбасы и всего пережитого ужасно. Налила в кубок разбавленного вина, выпила почти залпом. Повторила. Отпустило. Захорошело.

Так, происходит перемещение толпы гостей со двора в замок. Одионец поддерживает под плечи парнишку-гонца, который еле волочит ноги. Бочком просачиваются угрюмые крестьяне, Август, Бер, прислуга. Зал заполняется гудящей как встревоженный улей массой народа.

Постепенно в центре организуется пространство, люди становятся по периметру зала, граф с графиней проходят на авансцену. Элимар громко откашливается, разворачивает грамоту, видно, текста написано мало, сворачивает её. Лицо смурнеет, потом словно застывает. Наступает тишина.

Я сижу на лавке, мне не видно из-за спин ничего, наплевав на этикет, встала на неё ногами и имею прекрасный обзор. Парнишку Одионец поставил в центре, ближе к графу, бедолага еле стоит, пошатываясь. Он одет как служащий графа, в двуцветном костюме и плаще, я уже различаю такие тонкости в одежде.

- Рассказывай по порядку. Всё, что знаешь.

Парень что-то сипит, машет руками, Микаэль подносит ему тёплое питьё и тут же делает осмотр: температура, склеры, щупает подмышки и паховые лимфоузлы. Парень кашляет и дры-

гает ногами, но продолжает пить, пока ковш не опустел. Кивнув графу, доктор отходит. Гонiec утирает рукавом рот и начинает говорить с сиплой одышкой.

- На рассвете стражи со стены замка увидели, что над башнями монастыря подняты чёрные флаги. Господин бургомистр с начальником стражи, меня как дежурного гонца тоже взяли, мы поехали к монастырю. Близко не подходили, разговаривали с монахом, точнее, кричали через окошко привратника.

- Это хорошо, что не подходили. Что он сказал?

- Паломники, шесть человек. Местные, с севера графства. Пришли под вечер, озябшие. Их накормили, устроили на ночь. Утром самому старому стало очень плохо, лихорадка, у других начался сильный озноб.

- Эка невидаль, озноб, лихорадка. Тревога-то с чего?

- Когда лекарь от госпитальных больных освободился, им пошёл помочь. Старика раздели, чтобы обтирание сделать, а у него... Тело всё в крупных нарывах, и вот там, где меня господин лекарь шупал, тоже. У других нет пока, но лихорадит. Всех четверых, кто с ними в этой комнате ночевал, отдельно в карантинный дом перевели. Паломников оставили на месте, снаружи монастыря стражу выставили. Лекарь клюв надел и плащ с перчатками кожаный. Ушёл к ним, сказал – не выйдет, надобное велел им под окно приносить. Господа бургомистр и начальник городской стражи вот грамотку на седле прямо написали, и я тут же уехал. Весь день без остановки скакал. Всё.

В зале была мёртвая тишина, боялись пропустить хоть слово из речи гонца. Граф тоже молчал, сжимая в руке злосчастную грамоту, сел за стол и прижал руку с ней ко лбу. Графиня вполголоса молилась. Бусины янтарных чётков мелькали с нервической быстротой. Её привычка раздражает, чуть что, сразу молится.

Было такое чувство: все присутствующие авансом уже умерли. Со стороны кухни донеслись сдавленные рыдания. Это словно послужило сигналом, общество зашевелилось, донеслись выкрики:

- Если с севера паломники, то от фризозараза, морем пришла. Порты, наверно, не закрыли. Прибыль не захотели упускать.

- Значит, наплевали они на письма с чумным кодексом, я сам лично десять штук отвозил их командиру на границу.

- Надо кордоны ставить по границе с фризами!

- Не ждали так быстро, так и чума приглашения не ждёт.

- О, Господи, спаси и помилуй нас, грешных рабов твоих! Это, конечно, падре Конрад вносит свою ноту в общий хор зарождающейся паники.

Микаэль вышел в центр трапезной. Высокий, смуглый, черноволосый, он надел на свадьбу своё лучшее котарди из чёрного бархата с шитьём серебряным шнуром. Серебряная длинная цепь сложного плетения, на ней подвеска — эмблема медиков, змея и чаша. Когда успел такую заказать?

Вместо чулок ему пошили в нашей мастерской узкие брюки с галуном. Штаны здесь почему-то считают одеждой варваров. Короткие тупоносые! сапожки с алым отворотом и серебряной овальной пряжкой смотрелись дорого и франтовато. Впервые мужские сапоги пошиты с каблуками. Ингваз расстарался.

Строгость и богатство вкупе с «итальянской» красотой создавали облик значительного человека. Ухоженные, белые, крупные, но изящные сложением руки с кольцами и перстнями на каждом длинном пальце, включая большой, привлекали внимание.

Не одна я любовалась представительным красавцем. Сбившиеся в кучку пансионерки, как белобрысые гусыни, тянули шеи, чтобы лучше его рассмотреть. Что им чума, у них проблема поважнее. Одна чёрненькая — Сара, калькулировала взглядом украшения, одежду.

Видимо, оценка устроила. Лицо её выразило девиз всех охотниц со времён Евы: вижу цель, не вижу препятствий.

Естественно, наш доктор во время свадебного торжества получил свою долю внимания, как красивый мужчина и брат невесты. Однако сейчас, в центре всеобщего внимания и в привязке к ситуации, его можно было назвать важной персоной.

- Ваши Сиятельства, уважаемое благородное общество!

Он отвесил два поклона, прижав сверкающую камнями и белизной ладонь к чёрному бархату котарди.

- Должно отметить, как чётко выполнили все указания Кодекса против чумы братья госпитальеры монастыря и руководители города. Очаг локализован. Я лично отправлюсь, обследую больных. От чумы есть средства, они не излечивают, но помогают перенести болезнь.

Самое важное – не допустить распространения. Нужно будет выяснить весь путь паломников, где ночевали, изолировать всех, с кем они были рядом. Я опрошу паломников, стражи проедут весь их путь, выполняя указания.

Граф медленно поднялся с места. Не допускающим возражения голосом произнёс:

- Запрещаю Вам, господин лекарь, входить в помещение к больным. Находитесь на отделении. Там внутри уже есть лекарь. Пусть выполняет ваши устные распоряжения в отношении лечения больных. Он же их опросит, вам передаст. Покричать придётся, зато риска заразиться почти нет. Господин Микаэль, вы нужны графству живым и здоровым.

- Как прикажете, Ваше Сиятельство. Метод вполне рабочий.

- В первую очередь сейчас все владельцы замков пишите записки: «Чума пришла. Действовать по инструкции и по Кодексу». Утром отправьте сразу по два голубя. Разъедемся по домам, контроль над населением строжайший. С каждого барона лично спрошу! Господин приор, остаётесь, воспользуйтесь гостеприимством Мюннихов. Госпитальер молча склонил голову.

Элимар Ольденбургский и Дельменхортский придавил всех тяжёлым взглядом, как кот мышонка лапой:

- Чтобы никакой паники! Десять дней никто никуда не трогается с места, никого не впускать в замки, в деревни, в города, монастыри! Никого не выпускать. Всё, что предписано выполнять. Страже отлавливать нарушителей, всех штрафовать, плетью пороть, никакие заслуги и знатность не помогут. Расходимся. Завтра рано вставать.

Сиятельное семейство удалилось во флигель. Толпа потихоньку рассосалась, я слезла со своего наблюдательного пункта, поплелась на кухню. Там уже собрались наши, вся замковая служба и некоторые деревенские, зашедшие послушать вестника. Всхлипы женщин затихли. Эмма постучала поварёшкой по сковороде. Народ внимал.

- Завтра в замке будет распоряжаться молодая хозяйка. Слушаться беспрекословно, если по неведению ошибётся, сами по ходу дела сделайте верно, но не поправляйте, не прекословьте! Тебя, Илма, в первую очередь касается, языкатая стала.

- Сейчас все деревенские уходят. Десять дней сюда чтобы носа не казали. Во дворах есть колодцы, топливо, нужники. Продукты есть. Со своего двора никто ни шагу! Август, ты понял? Твоя спина за всё в ответе, не я велю, Кодекс. Замковые слуги тут остаются и в деревню ни ногой! Ни по какой причине! В замке живём по прежнему расписанию. Работы с выездом останавливаем.

- Госпожа, а ежели помрёт в деревне кто или заболит? - вылез староста с вопросом.

- Больного лечат дома, сами. Никого не звать. Если подозрение на чуму – тряпку чёрную на ворота повесить. Мы уже всё сто раз обсуждали, Кодекс наизусть знаете. Покойник, по старости, если не дай бог случится, всяко полегит до конца карантина. В сенях, в холодке. Зима. Ему торопиться уже некуда. Ты, Август, один по деревне не ходи, с дежурным наёмником вме-

сте. Кто будет по улице шляться, тут же плетей всыпать. Расходитесь и помните – мои шутки и доброта кончились!

Это прозвучало внушительно. Напуганные люди разошлись. Мне тоже надо прислониться к подушке, насыщенный выдался денёк! Спать, спать, скорее, еле тащусь к себе в комнату. От вина кружится голова, в ритме вальса: раз-два-три...

Из окна мне видно, как трепетно горит свеча на втором этаже флигеля. Лишь молодые будут находиться в счастливом неведении до утра.

Глава третья.

Амелинда.

Имитация японского флага вяло трепалась над въездными воротами, но мало кому была интересна. Настроение не то.

Движение в замке началось чуть ли не с рассветом. Отто, позёвывая, спустил из голубятни клетки с нашими голубками. Родители учениц произвели обмен: взяли наших почтарей и взамен оставили своих. Оставшимся голубям тут же крепили к лапкам записки и отправляли их в светлеющее небо. По два вестника в каждый замок, городок. В полёте может хищная птица словить, хотя бы один должен доставить приказ. Голуби долетят за полдня, пока люди будут тащиться по тракту трое суток. Вовремя доставленная весть поможет спасти много жизней.

Роль голубиной почты неоценима. Это важнейший канал связи в Средневековье, когда требуется скорость. В каждом уважающем себя доме, не то что в замке, на чердаке имела собственная голубятня.

Люди эксплуатировали стремление птиц к своему родному гнезду из любой точки, куда бы их не увезли. Инстинкт ориентирования никогда не подводил пернатых вестников. Но они могли погибнуть в пути.

Поэтому с важной вестью могли послать даже три птицы. Всегда к возкам, каретам, саням были привязаны клетки с голубями, так и сновали они по земле из точки А в точку Б, чтобы потом пролететь это расстояние.

Снег смешался с грязью и конским навозом, десятки снующих ног превратили его в бурое месиво.

Множество зимних возков, пустых саней из-под привезённых доченькам продуктов, кони уже запряжены. Под присмотром Руди с Гансом идёт проверка упряжи, снуют слуги с жаровнями, служанки со съестным припасом в дорогу.

Из замка выносят дорожные сундуки, гости съезжались на пять дней, пробыли только два. Несмотря на сборище людей, во дворе довольно тихо. Никто не говорит сверх необходимого, не шутит свои наивные шутки, не тискает чужих служанок. Что сейчас на уме у людей? Уже с жизнью и родными распростились?

На крыльцо флигеля вышла вся семья Ольденбургских, с наставниками, слугами, собачкой. Лицо Ингрид было отёкшим, глаза припухли. Вся она как-то враз потухла, постарела. Дети были сонными, девчонка смешно, как котёнок, зевала. Виконт держал на руках Дымыча, который, не взирая на статусы, рвался надавать лапой по мордочке графскому спаниэлю. Молодые, которых я разбудила ни свет ни заря, тоже вышли проводить руководство.

Мне пришлось первой донести до них ужасную весть о предполагаемой вспышке чумы в монастыре. Я удивилась, они уже были аккуратно одеты, причёсаны, Идалия даже с лёгким макияжем. Когда успели?

Положение обязывает. Первыми должны уехать самые высокие гости, за ними следом – остальные. Бароны с семействами образовали кривенький коридор до графской кареты. Подошли провожающие из замка, присоединились. Всё как-то вяло, словно через силу. Сильный стресс действительно поглощает силы и вызывает апатию.

Наследник отдал мне истисканного кота, взял за руку сестру, и они последовали за родителями. Он то и дело оглядывался. На Верену. Эта мелкая паршивка на отлично усвоила курс «макияж на каждый день». Вассалы поклонами и прощальными возгласами проводили своих суверенов. Затем подошли попрощаться с хозяином и хозяйкой.

Благодарили за приём, за хорошее содержание дочерей, добавляли пожелания молодым, но сквозь фразы этикета звучала только одна мысль: что же будет с нами всеми? Некоторую

долю уверенности внушил Микаэль с солидным багажом лекарственных средств. Его возок был в составе большого ольденбургского обоза, до монастыря им по пути.

Также сюда включили карету фон Бергов.

Эту семейку охрана вывела из заточения, их связали попарно. Баронесса Иоганна, избитая своей служанкой, к ней же привязанная, выглядела кошмарно: богатое синее котарди разодрано на полосы, видна камиза и голое тело, голова отсвечивала кровавыми проплешинами от выданных волос, лицо исцарапано так, что удивительно, как глаза сохранились. Служанка тоже пострадала, но меньше. Разница в габаритах была существенной.

Иоганна в приступе неконтролируемого бешенства сыпала площадной руганью и проклятиями, пока её не заткнули кляпом. Тогда она принялась дёргаться, натягивать движениями верёвки, согнутым локтем тыкать в бок соседку по упряжке. Служанка, не долго думая, дала ей своей башкой по затылку. Баронесса успокоилась. Связанные вместе отец и сын были словно безучастны, головы опущены. Никто не озаботился тёплой одеждой и жаровнями в карету заключённых, хотя всё это у них было. Слуги связаны, охрана тоже, кому нужно обслуживать чужих опальных господ.

Подбежала Кёрстин с Евой, они несли плащи. Один лишь взгляд убийственной ненависти и хлёткое: «Грязная подстилка!» от младшего Берга переменили её решение. Она бросила плащи в грязь и стала на них ногами. Гордо подняв голову, с улыбкой она смотрела, как их грубо, пинками, запихнули в карету, вповалку, вместе со слугами и двумя арестованными охранниками в придачу. Так и простились люди, в чьих жилах текла родная кровь.

Приор и падре благословляли отъезжающих в дорогу, осеняя крестом. Первый обоз тронулся, выезжая за ворота. За ним караваном потянулись сформированные из нескольких карет, возков и саней поезда баронов-попутчиков. Один, второй, третий...

Мы всей семьёй тепло простились с кумовьями. Амалия вздумала рыдать, вцепившись в меня, как в последний раз. Пришлось сделать небольшое внушение: формула «Всё будет хорошо» и дружеские объятия. Штакельберг ловко подсаживает жёнушку в карету, уезжают и эти гости, наши самые ближние соседи.

Последним готовят к выезду обоз барона Орбанта фон Дрез. Он получается внушительным. Барон с невестой и племянником Кристофом едут в нашей опель-карете, взятой взаймы. Им нужно утвердить Кёрстин фон Берг на правах хозяйки замка в связи с арестом семьи барона.

Жених предъявит начальнику стражи Берга документы на опеку над наследником и его младшей сестрой. Их сопровождает вооружённый отряд из восьми наших наёмников, четырёх воинов барона Штакельберга, шести человек от графа.

Навряд ли наёмники в замке будут сопротивляться, им без разницы, кто платит, но смена власти в эту эпоху всегда сопровождается демонстрацией силы.

Через десять дней карантина, оставив замок на опекуна, Кристи вернётся продолжить образование. Орбант фон Дрез пытался высказаться: не обязательно доучиваться, ведь почти замужем, но не вышло. Кристи сурово сдвинула бровки, заявила буквально следующее: «Я училась не для того, чтобы выйти замуж. А чтобы стать образованным человеком! Прошу уважать моё желание, господин барон».

Да, время учёбы не прошло даром. Девушки начинают осознавать свою ценность как личности, а не товара для взаимовыгодного обмена между семьями.

Эмма в окружении пансионеров подошла к карете. Строгим тоном потребовала от барона сдержанного поведения и уважения к невесте. Что-то прошептала ей на ушко, отчего Кристи пошла багровыми пятнами.

Девушки отдали свои рукодельные подарки Кёрстин, чтобы она могла дополнить сундуки с приданым. Каждая старалась приобнять, прикоснуться к просватанной невесте, чтобы присвоить кусочек её удачи. Им было неизвестно истинное положение дел.

Я снова взяла её ладошки в свои, снова посмотрела в глаза, пожелала открыться навстречу любви и сказала сакраментальное: «Всё будет хорошо!». Они уезжают в противоположную от всех остальных сторону, баронство Берг расположено за Южной пустошью.

Остаются только втопанные в снег плащи фон Бергов, но вот подходит Ганс, поднимает, встряхивает их. Вдруг кидается на колени перед молодыми супругами:

- Господин барон, баронесса! Дозвольте догнать последний обоз! Милая у меня в Берге, когда ещё случай представится. Хочу посвататься и забрать её, тяжело ей там жить приходится. Дозвольте, ради Христа!

Мы в курсе печальной истории любви Ганса, я рада, что парень преодолел в себе сомнения, пошёл против стереотипов поведения общества. Андريس переглянулся с женой:

- Давай, вези, жених! Быстрее догоняй!

Смешной, шуплый, лопухий Ганс, жених, ему ещё шестнадцати нет. Он бегом вывел уже осёдланного Орлика, как кузнечик вспрыгнул в седло, в скатке укреплены плащи фон Бергов. Вот ведь крестьянская душа, не даст пропасть добру.

- Ганс! Лови!

Парнишка на лету схватывает мешочек с монетами от барона, поворачивает коня, и только его и видели!

Двор замка опустел. На всех нас давящим грузом наваливается общая усталость. Распоряжения отданы. Каждый знает своё место и дело. Занятий сегодня не будет. Идём отдыхать. Молодожёны во флигель, все остальные в замок.

Отдохнуть собрались, ага, как же. Человек предполагает, Бог располагает. Снова повседневные дела и заботы, до самого вечера.

Потом всю ночь наша команда смотрела съёмку реалити-шоу «Попаданка и Большой Босс». Детально, с хорошей озвучкой. Благо, запись началась после эпизода пожирания мною колбасы. Спасибо, Босс!

Я сразу пересказала команде максимально подробно, практически дословно содержание контакта с ББ. Он подтвердил, назовём это видеосном.

А то некоторые недоверчиво на меня посматривали. После всего, что с нами случилось, видимо, лимит фантазии у народа исчерпался. Скептики помалкивали, потом Ида вспомнила интересный сон: «Прям точь-в-точь, как Линда рассказала!» Выяснилось, что все увидели одно и то же. Правда, отнеслись по-разному. Но это нормально, главное — я не врушка!

Глава четвёртая.

Амелинда.

Тревожное ожидание повисло над Мюнном, как низкая свинцовая туча. Она всё темнее, тяжелее, наливается влагой, волочит по небу отвисшее брюхо, давит и давит, наступает полное затишье, но буря неизбежна. Людей стало меньше, гости разъехались, воинов осталось двое. Не шагают между деревней и замком староста и слуги. Мы никуда не выезжаем. Всегда заперты ворота.

Службы по очереди ведут отец Конрад и приор. Исповедуют. За столом благословляют трапезу. В остальное время мы их практически не видим. Уезжая, Микаэль оставил им для доработки свои медицинские труды. Как лица духовного звания они лучше знают, где в каком месте нужно привести соответствующую цитату из Священного писания.

Молодая хозяйка, нежная, излучающая тихую прелесть, носит только светлые, не яркие, как прежде, одежды, титулуется госпожой баронессой, сидит на новом месте, рядом с бароном. Первая проходит об руку с мужем в помещение общей трапезной и утверждает меню. На этом Идалия с радостью бы завершила. Но не тут-то было! Новоявленная свекровь быстренько скинула с себя круг обязанностей хозяйки замка. Эмма с головой ушла в преподавание, вдобавок её мастерство требовало сосредоточенной работы. Начало финансового года в нашем царстве-государстве.

Усиленная деятельность – лучшее средство от всеобщей депрессии. Свита из семи учениц-помощниц всюду снуёт уже за Идой, усваивая на практике навыки сдачи-приёмки обширного хозяйства. Они пошили себе простые тёплые рабочие платья со шнуровкой спереди, прямым рукавом три четверти, под низ пара юбок, без кirtла. Фартук, косынка, нарукавники, без притязаний кроя, но достаточно дорогие, мягкие и тёплые ткани спокойных расцветок.

- Я похожа на зажиточную горожанку, на жену мастера гильдии пекарей или сапожников!

- А я на купчиху! Вот так ещё косынку повяжу, совсем торговка тканями!

Девочки веселились, молодость не может долго печалиться.

Первым делом, вместе с мастером Северином, экономкой Августой, с активным участием девушек, провели ревизию и учёт продовольственных запасов. Проверяли, тут же записывали: количество, состояние, условия хранения. Обошли замковые амбары, сенники, оценили запасы кормов для животных. Сена было маловато. Пансионерки решали задачу: сколько овса, сена, соломы нужно на шесть наших лошадок и пять коров с двумя тёлками и бычком на остаток зимы до первой травы? А сколько для мелкорогатых в числе сорока двух голов? Курам зерна? Итого?

Потом перешли к более сложному расчёту припасов для людей. Посчитали животных. Разделили на племенное стадо и на пропитание. Учились, как это делать. Перевели в тушки, потом приблизительно в килограммы. Мешки, корзины, ящики, бочки, корчаги, горшки – всё, что имеет объём, были переведены в метрическую систему мер: литры. Для измерения не протекающей посуды сложной формы использовали стеклянные банки двадцатого века. Бесценный, но хрупкий ресурс. Объём выцарапывали либо выжигали на ёмкости. Для других объектов использовали формулы стереометрии. Естественно, никто их не помнил, но в библиотеке были справочники.

Имелись в хозяйстве напольные весы, чашечные весы, безмен. С будущих времён. Весы современников представляли собой простой рычажный противовес с крюками для крепления. Мешочки-разновесы от десяти до полукилограмма массой были набиты песком по металлическим эталонам гирь двадцатого века.

Продукты взвешивали, сверялись с нормативом потребления, делили на количество людей и дней. Таким образом, математика на практике учила управлять хозяйством. Пансионеры, в большинстве своём, не затруднялись делить, умножать, считать доли.

Лезли вслед за Августой по локоть в мешки с зерном, сеяли на проверку муку, обнюхивали окорока, сыры и колбасы. Экономка постоянно приговаривала: надо знать, чтобы слуги, видели – вас обмануть, либо обокрасть не удастся! Проверили сохранность консервации, овощей, разобрались, что в какую очередь подъедать. Пробовали масло на горечь, яйца на всплытие, соль на влажность. Проинспектировали ледник во флигеле, прослушали лекцию о заморском овоще – картофеле, подивились на неказистый, но такой ценный продукт, записали.

По итогу ревизии продуктов оказалось в приличном избытке, даже с учётом немалого количества ртов. Почти все родители привезли продуктов, примерно сани на каждое любимое чадо. Родительский день в пионерлагере! Уехали гости на три дня ранее. Это тоже сэкономило нам прилично. В общем и целом, мейстер по продовольственной безопасности слегка успокоился.

Однако, на общей трапезе вечером объявил о снижении норм питания на десять процентов для мужчин и на пятнадцать для женщин. Мы такое решение предварительно на Совете утвердили. Сделал он объявление в конце ужина, когда унесли все тарелки со стола, предложил по очереди пройти на кухню. Прошли. Посмотрели на полные деревянные ведра с пищевыми отходами, оставшийся нарезанный хлеб. Конечно, ничего не пропадёт, свинки схрапывают. Только кормить их можно запаренными овощами с желудями и зерном, а не молочной кашей с маслом.

Наши служащие не едят объедки за господами, как здесь принято. Каждый сотрудник получает достаточную порцию пищи. Если мужчины уменьшенной порцией не наедятся – добавка всегда есть, а девушки будут больше овощи кушать, а не на пирожки к чаю налегать. Их теперь будут давать штучно. Также Север объявил о снижении нормы соли наполовину, сразу. Сейчас столовалось около сорока человек, сто двадцать грамм Идалия будет выдавать на кухню с вечера. Нам будет непривычна настолько несолёная пища. Будем сыром заедать, с колбасой! Если дадут.

Из воинов в замке остались Ратибор и Воислав, также бывший десятник, ныне капитан, инвалид Глушила. Он был сильно раздосадован остановкой работ по переоборудованию казармы, так как считал своим святым долгом экономить арендные расходы своей десятки.

Решили отправить Севера да викинга Ратибора с Отто на рыбалку, а Воислава, Виктора с Руди на охоту с арбалетом в лес, учитывая их навыки и пожелания. Навряд ли это будет нарушением режима, ни с кем, кроме добычи, общаться не собирались. Сказано – сделано.

Руди весьма самоуверенно впряг в телегу двух коней, стало быть, вдруг рыбы и мяса много будет, не на себе же волочь? Пожелали им ни пуха, ни пера, ни хвоста, ни чешуйки! Отбыли на рассвете, ибо зимой день короток, нужно успеть оборотиться.

Хорошо им, гулять на природу отпустили. Мейстер финансов приняла у всех смету расходов, доходов на наступающий год, а мне третий раз вернула. Ну не могу я с цифрами, не моё это. Считать хорошо только наличные умею. Откуда мне знать, во сколько строительство ясель обойдётся, когда мне цены на стройматериалы неизвестны? Этим должен мейстер строительства заниматься, которого нет до сих пор.

Может, ну их? Пусть эти сопливы по домам посидят? Сидели же раньше? Ага, за ногу привязанные, с шестилетними няньками. Надо мотивировать кого - то из ребят, пусть помогут. Не мне! Детям! Почему только ясли? Мы государство - образец. Нам систему образования выстраивать надо.

От двух до пяти мозг ребёнка получает максимальную часть информации об окружающем мире, детсад строим, однозначно. Школу начальную - в обязательном порядке! Хотя бы для мальчиков надо ремесленное училище. Нет, девочкам тоже нужно.

Гильдии и цеха мастеров задрали своими методами обучения: по девять - двенадцать лет ребята в учениках и подмастерьях бесплатно на мастера корячатся. Только мастером всё равно становится сын мастера. Количество мастеров в одном цеху или гильдии ограничено. Налицо палки в колёса прогресса. Боже, кто согласится мне помочь? Точнее за меня столько работы сделать? Кому бы делегировать полномочия?

Пришла согласовать расписание Эмма. Дорогая муттер, теперь и свекровь – ценнейший кадр моего мейстерства. Преподаватель ведущих предметов, завуч по учебной и воспитательной работе, методист и инспектор в едином лице. Цикл предметов меняется. Больше внимания начинаем уделять саморазвитию девушек как личности. Они будут пользоваться этими знаниями на протяжении всей своей жизни, научат своих детей и тех, кого посчитают нужным.

Новый предмет так и назвали: «Саморазвитие личности». Покопалась в файлах памяти, решила включить следующие аспекты: понимание собственной ценности и адекватная самооценка. Достижение целей. Отсюда уже можно двигаться к стратегическому планированию жизни. Где нам точно пригодятся как имеющиеся личностные навыки, так и обучение новым. Понятие карьеры у знатной женщины здесь специфическое: если только сначала выйти за барона, потом стать графиней, а под занавес молодости захомутать герцога?

Оставим карьеру, пока это возможно только через вдовство, пусть девочки будут просто счастливы в личной жизни. Хотя... профессиональное развитие по горизонтали не исключено. К примеру, картофелеводческое баронство, хозяйка – профи в этом деле. Надо подумать. С Севой посоветоваться.

Тайм-менеджмент обязательной. Времена меняются, а хронофаги совершенствуются, не исчезая как класс. Должно быть вознаграждение за неустанный труд человеку, тем более девочке? Поэтому пусть добиваются качества своей жизни, комфорта.

Пока они под нашим крылом, будем развивать полезные привычки. Моются уже без нытья, пора понижать температуру воды, потом к обливаниям перейдём. Зубы чистят, зарядку делают, в планке стоят. Вумбилдинг добавить! Рожать будут часто, точно пригодится. Вообще по физическому самосовершенствованию и здоровью часов теории и практики добавить, за счёт этикета. Его убираем полностью, хватит. Эмма только рада будет.

Со всей этой красотой и здоровьем можно гордо от тоски сдохнуть, если рядом не будет интересных, умных людей. Пансион под завязку забит народом, нами и прислужгой. Все делают карьеру, учатся, им интересно. На живом примере научим улучшению социальных отношений и окружать себя развивающимися людьми. Пока я пачкала бумагу и грызла ручку, стемнело. Надо свечу зажечь, суeta началась во дворе, парни вернулись: первыми рыбаки, следом охотники.

- Добытки наши приехали! - включаю я сигнализацию.

На ходу накидывая плащи и шали, выбегают ученицы на практическое занятие «Встреча и поощрение кормильца». Ты посмотри, Амелинда, прогресс какой! Сёстры Дрез, Луиза с Лаурой горячее питье вынесли. Хильда всплёскивает руками, пищит восхищенно:

- Ой, охотники какие удачливые!

- Вот это добыча! Сколько мяса! Поддакивает Ева, поит горячим сбитнем муженька Руди.

Лично я вижу четыре убиенных косули, небольшого подсвинка, также мешок, из которого выглядывают окровавленные заячьи туши и кучу перьев дичи. До состояния мяса это всё ещё довести надо. Рыбы наловлено много, несколько больших корзин, уже почти заморозилась.

- Как вам удалось так много наловить? Я думала, летом только рыбалка хорошая бывает?

- Лунку вырубили, а она... Аж кипит! Как полезет, морды, морды, прямо ртом воздух хватают! Я корзинкой как начал черпать! Мелочи много, так дыры поболее прорезал и давай её, только успевай черпать!!! Отто захлёбывается от неостывшего восторга.

- Надо на озере ещё лунок наделать, господин барон. А то замор будет. Рыбачить через день будем. Завтра обрабатываем, рассортируем. Крепко заморозим. Да в бочках на морозе будем хранить.

- Молодцы, ребята! На обед суп из дичины будет, пирогов с рыбой напечём, так нажарим! Одно слово – кормильцы! Это кухработники присоединились к общему хору восхвалений, услышав, что рыбу чистить не им.

- Мьяяууу! Мьяв-мяу! У-у-у... Р-р-р! Моё, только попробуйте отнять! Вот она, кошачья благодарность.

Замёрзшие охотники и рыболовы идут в хорошо протопленную мыльню. Баня в деревне, туда нельзя, осталось целых пять дней карантина. Как они там, настоящие наши кормильцы?

Глава пятая.

Микаэль.

Не доезжая Ольденбурга, обоз правителя графства стал разъезжаться, кому куда. Первыми свернули к замку возки с семьей, приближёнными и охрана графа. Оставшаяся большая карета фон Бергов в сопровождении шести стражников проследовала далее, в городскую тюрьму.

Чуть проследовав по тракту, к монастырю госпитальеров свернул одинокий возок с лекарем. На подъезде он был остановлен стражей. Старший стражник внимательно, долго, шевеля губами, читал графскую грамоту.

- Лекарь, проходи. Стучи. Вещи выгружайте здесь. Возок обратно пусть едет.

Я долго и сильно стучал кольцом в ворота, пока возничий, не приближаясь, выгружал багаж. К воротам никто не подходил, однако сверху со стены раздался оклик:

- Путник, езжай своей дорогой! Чума у нас, флаги чёрные, не видишь? Езжай с Богом, да радуйся, что на день раньше к нам не попал.

- Грамота графская, пусть прочтут! Я обожду!

Если я так орать буду, голоса лишусь. И околею тут с холода. Наконец-то отворилось окошечко привратника. Из него высунулась тонкая жердина метра три длиной.

- Свиток надень! Надёжнее! Проорал привратник.

Вздел цилиндрик на палку, подивился такой мере предосторожности, даже я бы не додумался. Документ скрылся в недрах монастыря, окно захлопнулось. Пойти в возок? Вдруг сейчас откроют, бегать туда-сюда. Вещи пока подтащу, по ходу не собирается никто мне помочь, даже приближаться не хотят к воротам, ни возница, ни стражники. Хоть согреюсь, чем стоять столбом.

Навскидку полчаса прошло, прежде чем калитка в воротах отворилась. Показалось маленькое, скукоженное от холода лицо брата-привратника, он поклонился:

- Пожалуйте, господин лекарь, в сию обитель скорби.

- Чего скорбим? Умер уже кто? Или дальше зараза пошла?

- Пока нет, больной ещё жив. В то крыло никто не ходит. Загородили. Пищу и воду под окно приносят, в вёдрах поднимают. К наместнику пожалуйста, ждёт. Вот по этой лесенке на второй этаж и сразу направо, первая дверь.

Наместник, похожий на нахохлившегося клювастого ворона, стоял спиной возле камина, зябко засунув ладони в широкие рукава. Выражение полной безнадёжности было на узком, смуглом, плохо выбритом лице.

Я подошёл, принял благословление и представился всеми своими титулами.

- Сын мой, у нас есть лекарь. Зачем ты рискуешь жизнью, которая сейчас будет нужна населению графства?

- При выполнении всех мер предосторожности риск не так велик. Здесь, в монастыре, тоже население графства, и находится первый обнаруженный больной. Я не простой лекарь, отец мой. У меня во владении оказались редчайшие медицинские манускрипты и книги древности. Там есть знания, о которых и не слыхивала современная медицина, они давно забыты. Я проверял в своей врачебной практике, на деле, методы действуют с силой непреложной истины.

- Будем молиться и уповать на Господа нашего. Мор за грехи людские послан. Предлагаю Вам пройти в трапезную, отобедайте с дороги.

- Благодарю, в пути перекусил. Должен отметить, изоляция больных и самого монастыря налажена отменно. Где человек, который устраивал путников, общался с ними?

- В карантине, вместе с четырьмя паломниками из другой группы, они ночь вместе с пришедшими ночевали. Лекарь сказал, лучше отделить их и от больных, и от другой братии, как предписано чумным Кодексом.

- Верно, правильно сделали.

- Строго по чумному Кодексу. Наши писцы по заданию графа сто раз его переписали, монахи выучили наизусть. Дай Бог, поможет.

- Я буду жить в начале коридора, что ведёт в палату больных. Заходить пока к ним не буду, с вашим лекарем криком будем общаться. Вот эти два мешка с травами, мазями, маслами эфирными нужно через окно им поднять. И ещё, отче. Кормить больных нужно особой пищей, я напишу. Будьте добры, распорядитесь.

- Всё сделаем, как скажете, господин графский лекарь. Может, всё же отобедаете?

- Позднее, дорога каждая минута.

Довольно светлый коридор перегорожен в самом начале двумя ширмами, за ними устроюсь. Нужно под окно палаты подойти. Во дворе мне попался на глаза молодой монах, согнувшийся под тяжестью мешка муки, он шёл из амбара.

- Дорогой брат, муку отнесёшь, помоги устроить мне тюфяк возле загородки к больным, я лекарь Микаэль из Салерно. Да где их окно? Мне расспросить надо о больных.

- Сделаю, не беспокойтесь. Там на снегу видите следы от вёдер? Кричите громче, окно отворят. Так никакого горла не хватит. В снежки поиграем. Р-раз! Два! Есть результат.

- *Salvete, collega!* Приветствую, коллега!

- *Et non male!* И тебе не хворать!

- Я сейчас подойду к вашей двери, там поговорим.

- *Veni, accipies casu!* Приходи. Давай, рискни!

Оптимистичный собрат по ремеслу. В отличие от остальных окружающих. Наверно, терять кроме жизни нечего. Не только тюфяк, топчан принесли, мой саквояж, столик и стул, кувшин с тёплым питьём, кубок, очень кстати, наорался как ишак. Заботливая братия. Профессиналы средневекового гостиничного бизнеса. За означенную ширмами границу не зашли. Ёлки-палки, красная зона. Дверь с небольшим окошком.

- Брат мой, я здесь! У тебя самого как самочувствие?

- Вижу тебя. Я не монах, просто лекарь, Клаус. Пока нормально, лихорадки нет. Сейчас буду задавать важные вопросы. По диагностике. Отвечай. Ты сутки почти наблюдаешь, но если что не заметил, у больных спрашивай. Буду говорить, что у них проверить. Понятно? Ты в маске?

- Я-то в маске, а ты в чём?

- Тоже маска, новая, усовершенствованная. Вам подняли мои лекарства? Сделай себе в несколько слоёв из чистой тряпицы небольшой тампон, накапай из флакончика масло чайного дерева и в клюв свой положи. Больным в один слой тряпичку с этим маслом прямо на нос, пусть дышат. Прямо сейчас давай. Сделаешь, поговорим.

Посижу минутку, лучше полежу. Отвару надо выпить. Да что ты такой шустрый, коллега! Ну, начнём.

Лихорадка, то бишь температура, у старика сильная, у остальных слабее. Бубоны среднего размера, там то, там то... Есть открывшиеся язвы. Лицо как лицо. Выражение? Сонное, спать старик постоянно хочет. В какой позе лежит, спокойно ли спит? Как пришлось, так лежит, а спать спокойно мы с вопросами не даём. Глюков нет? А это кто? А-а! Нету. Рвоты ни у кого нет, поноса тоже? Нет. Чихают, кашляют. Без крови кашляют. Газы пускают.

Где по пути ночевали? Сейчас спрошу. В шести деревнях по тракту и в одном постоялом дворе. Вот после него и заболели. А до этого что, все здоровы были? Нет, старик говорит, болел. Когда бубоны у себя заметил? Как в ноябре??? Точно? Ты их на плотность, подвижность проверял, когда обтирал? И? Ага!

- Клаус, отворяй. Не упорствуй. Отворяй, у меня грамота графская к доступу.
- Воля Ваша, господин графский лекарь. Проходите.
- Ну и вонища тут! Даже через маску. Который из них?

Провожу осмотр, эскулап оправдывается, почему они в прямом смысле засрались, причина веская:

- Горшки полные не выносят, нельзя. Это зараза. Пустые только поднимаем.

Такая мера много говорит о методах лекаря. Понятие путей распространения инфекции у него есть. Сколько они собирались добро своё копить, в собственном соку сидеть, не знаю. Окно настежь, хуже больным не будет, аммиаком ещё тут отравятся.

- Брат! Эй, брат! Поди сюда под окно! Слушай распоряжение. Яму отдельную поглубже копать для отходов от больных. Подальше, где-то в углу укромном, где никто не ходит. Это надо сделать быстро. Всё бросить и сделать. Понятно? Жду.

- Отойдём в коридор, давай подышим. Ну, коллега, повезло нам пока что сказочно в этот раз. *Fungulus vulgaris*. Чирьи у больного. Карбункулы. Здоровые, правда, и много: шея, подмышки, пах. Так же при чуме бубоны расположены. Поэтому ты ошибся. Чумные бубоны видел воочию?

- Только в книге. На картинке. Мне тридцать пять лет, на моём веку чумы ещё не было. Натворил я дел... Графство целое в осаде. Торги закрыты, люди по домам сидят, патрули везде! Ведь думал, почему нет рвоты, в бреду не мечутся... Чуму ждали, в голову сразу ударило – чума! Не быть мне теперь лекарем, позор, конец карьеры.

Клаус снял свой клюв, я увидел уставшее донельзя круглое лицо с глубокими оспинами, блёкло-синие глаза с красными прожилками. Начал стаскивать плащ.

- погоди, быстро обратно надевай. Слушай. Не перебивай. Думай. Значит так: знаем ты да я. Что мы знаем? Это точно была чума. Мы больных вылечили, нам спасибо! Больше никто не заразился – спасибо чумному Кодексу. Он действительно верное средство! Люди начнут после этого случая доверять всем предписанным методам. Исполнять их с тщанием, не за страх, а за совесть. Что поможет в дальнейшем спасти множество жизней.

Ведь на самом деле: есть чума. Пусть пока не здесь, но она есть, она идёт к нам. Ты правильно действовал. Ошибся с диагнозом, с кем не бывает. А если бы ты был прав, то твои действия помогли бы предотвратить вспышку, локализовать очаг. Ты молодец, остался один на один с больными, жизнью рисковал. Я перед графом ходатайствовать буду о твоей награде.

Красно-синие глаза становятся всё больше, больше. Стоп, стоп.

- А флаги чёрные? Карантин? Оцепление?

- Пусть флаги повисят, карантин до конца блюдем, стражи сторожат, все при деле. У нас там больные, ОРЗ, ОРВИ, фурункулёз, идём, надо работать. Тоже заразно, маски на нос, пошли.

Шепчет, кажется, дошло: - Старик-то плох совсем, силы уже не те, вот-вот помрёт.

- Не-не, мы статистику нам испортить не позволим. Согласно клятве, боремся до последнего! Начнём с самого важного: дерьмо ты вынесешь, как младший по званию! Покричи в окно, чтоб на пути никто не попадался.

Интенсивно работать с шестью пациентами пришлось пять дней. Усиленное белковое и витаминное питание, обильное питье отвара шиповника, клюквенного морса, крепкий куриный бульон. Ингаляции с эфирными маслами, прохладные уксусные обтирания, чай из сухой малины – весь арсенал лечения гриппа ещё от моей бабули.

Нарывы деду вскрыли, обработали, наложили медово-прополисные аппликации, это и средневековый антисептик, и ранозаживляющее. Ему полегчало на следующее же утро. Ел бедняга как не в себя. Организм был истощён не только болезнью, но и хроническим недоеданием. Поговорили. Старику было пятьдесят! лет, стафилококк у него хронический. В этот раз особо злостный, не составило труда убедить, что он чуму подцепил по дороге.

В монастырь шёл поклониться местным мощам, ради исцеления. Своей цели он достиг. Чесночные примочки, совсем немного кровопускания, прополисная настойка, настой лопуха и окопника немного помогут святым мощам его вылечить. От чумы, конечно, конечно, от неё проклятой.

Клаус для этого времени был достаточно хорошим врачом, закончил лекарскую школу в Гамбурге, из семьи потомственных травников, многое познавал эмпирическим путём. Работал при монастыре уже три года, тут и проживал, столовался с братией. На ночь мы уходили из палаты спать в коридор. С утра делали обход, опрос, назначения. Клаус проводил процедуры, вёл истории болезни, в общем, делал всю рутину, познавая азы «оказания медицинских услуг населению». Это будет наш человек в системе здравоохранения графства.

Мои размышления были прерваны восторженными воплями и стуком. Заглянул за ширму к соседу. Он стоял на коленях, плакал, целовал книгу и крестился, стучал лбом об пол, потом повторял действия в том же порядке. Непрерывно.

Предыстория: перед сном я немного читал, благо свечей наместник не жалел, дал тоже почитать Клаусу книгу – учебник «Диагностика терапевтических заболеваний». Солидный кожаный переплёт с серебряными застёжками, текст написан якобы вручную на больших листах пергамента.

Здесь были описаны на латыни основные симптомы, синдромы и методы исследования больных при заболеваниях различных органов и систем, а также диагностика, лечение заболеваний и помощь. В конце каждой темы даны задачи, вопросы для закрепления материала и порядок оказания первой помощи при неотложных состояниях.

Всё было адаптировано и откорректировано под возможности текущего времени. На обложке первоисточника была указана группа авторов, на первой странице их фото. Среди них уважаемый учёный, доктор медицинских наук, некто С.В.Пантелеймонов.

Дела наваливались одно за другим, мне некогда было вновь познакомиться с моей библиотечкой. Я просто достал книгу из стопки на подоконнике и отдал. Нетрудно догадаться, как ББ отредактировал учебник. Автором числился Святой Великомученик целитель Пантелеимон, остальные за ненужностью исчезли.

Фото чисто выбритого и кучерявого профессора преобразовалось по всем канонам иконописи. Пиджак остался, а галстук стал мечом, который по жизнеописанию отсек главу святого. Мы должны были подробно ознакомиться со своими вещами вновь, но я этого не сделал. Сильно некогда было. В результате стал владельцем священной реликвии, скрыть этот факт уже невозможно. Алилуйя!

Осталось сочинить красивую, непроверяемую легенду, как этот и другие раритеты попали в руки моего неугомонного папы: купца и путешественника Тургезе. И да, проверить остальные книги.

Глава шестая.

Ольденбург.

На всех башнях крепостных стен города грозно реют чёрные полотна. Над закрытыми круглосуточно воротами их два, по одному над каждой надвратной. Цокают копыта по булыжной мостовой, звук отражается от стен узких, безлюдных улиц неожиданно звонко для слуха. Солнечным морозным днём едет патруль по пустому городу, зорко высматривая нарушителей карантинного режима. Патрулей несколько, меняются сменами и кружат, кружат по маршруту. Пятый день никто не смеет нос высунуть из дома. Странная, даже жуткая картина, словно все уже умерли.

Жители слышат: «Чёрная смерть! Сидеть по домам! Чёрная смерть!»

Стражники перекликаются страшными словами, внимательно смотрят на двери и окна: не висит ли где чёрная тряпка? Слава богу, пока нет. Вот копыта застучали глуше, закончились мощёные дороги, значит, выехали на улицы, где живёт городская беднота. В Ольденбурге нет трущоб, где живёт сброд, но есть бедные кварталы, тут селятся низкоквалифицированные работники, не имеющие определённого ремесла, не входящие ни в какую гильдию.

Вдруг слышится тоненький девичий голос:

- Господин страж, господин страж!!!

Порядком промёрзший усатый стражник оглядывается, но никого не видит, он в недоумении крутит коня.

- Я здесь, вернитесь, я в оконце! Здесь, здесь!

Девушка стучит изнутри по двери, стражник понял, где источник звуков. Немного приближается, видит: в дверном окошечке блестят глаза.

- Чего тебе? Кто болен, помер? Тряпку надо вешать, а не орать.

- Мы скоро все погреем, господин. От холода. Уже табуретками топим. Голодаем.

- Приказ запастись топливом и провизией почему не выполнили? Почему приказ графа и бургомистра нарушен, спрашиваю? Ты не реви, ты отвечай!

- Господин страж, вы на нашей улице разве впервые? Ведь это улица Подёнщиков. Мы за работу в день самую малую плату получаем, только на день-два на еду или на дрова. Сразу всё проедаем. За дом отдаём аренду. С чего запас? Мука кончилась, в доме холод. Братики замерзают. Добрый господин, помогите!

- Помогите! Замерзаем! Есть нечего! Умираем! Замерзнем до следующего утра!

Соседи смелой девушки слушали разговор у своих дверей, тоже решили подать умоляющие голоса.

- Доложу начальнику стражи. А вы сидите, не высовывайтесь! Чёрная смерть! Сидеть дома! Чёрная смерть!

- Молодец, Агнес. Что, совсем худо? Я сейчас за дверь два полена положу, чутка сухариков, выбегай, возьми. Глянь, как быстро поскакал, да пока они там раскачаются, мы три раза сдохнуть успеем.

На счастье жителей, стражник на дежурстве каждый день проезжал мимо дома родителей своей жены, спрашивал через оконце, всё ли в порядке в семье, обменивался новостями и забирал выставленный на подоконник узелок с выпечкой. Тёщу его звали госпожа Генриетта, супруга главы гильдии пекарей, председатель женсовета города Ольденбурга.

Не выходя из дома, без сотовых телефонов и курьеров, без согласований с вышестоящим начальством, письменных распоряжений и подписей, она организовала сбор и доставку через стражей бесплатных продуктов, топлива на оставшиеся дни для жителей девятнадцати домов улицы Подёнщиков. В течение трех часов.

За следующие пять дней страшные черные тряпки на домах так и не появились, хотя покойники были, как не быть, город-то большой, почитай без малого девять тысяч душ. Бургомистр объявил начальнику стражи об окончании карантина ровно через десять дней. Поскакали по улицам и улочкам стражи с доброй вестью.

- Чёрная смерть отступила! Можно выходить!

- Чёрная смерть отступила! Рынок открыт!

- Сегодня в кирхе отпевание покойных, завтра благодарственный молебен!

Открывались двери, накидывая сюрко и шали, горожане, горожанки выходили на белый свет, шурились, глубоко вдыхали свежий воздух, перекликались с соседями:

- У нас все живы, а у вас, тётушка?

- Слава богу! Мои в порядке.

- Я постоянно у окна сидела, кроме стражей никого не видела. Ни одной похоронной процессии.

- Говорят, цирюльник через две улицы от нас умер.

- От старости, ему почитай шесть десятков исполнилось. Детей много у подёнщиков простудилось, тоже, наверно, скоро помрут.

- А была чума-то? Кричали, надрывались: «Чёрная смерть, чёрная смерть!»

- Точно была, госпитальеры в монастыре сегодня чёрный флаг опустили, они в болезнях разбираются.

- Получается, если как мыши сидеть по домам, то и чуму пересидеть можно?

- Можно, сосед, но лучше как в чумном кодексе – без мышей!

Первый раз за десять дней поднялся мост, открылись ворота Ольденбурга, пропуская длинный кортеж воинов свиты Элимара Третьего и карету графини. Граф в рыцарском облачении крепко сжимал поводья крупного, вороного декстриера фризской породы. Ингрид делила карету с лекарем из Салерно Микаэлем Тургезе, лекарем Клаусом из монастыря госпитальеров. Обсудили и оценили действия всех городских служб во время карантина.

Они не сразу проследовали в ратушу, а делали большой круг, останавливались, разговаривали с населением, по пути наблюдая за жизнью оживавшего города. На рыночной площади сутились торговцы, укрепляя палатки, раскладывали товар. Уже спешили бедно одетые женщины с корзинами, слуги с пустыми мешками в сторону рынка. Открывались ставни и двери лавок. Люди спешно освобождали проезд, низко кланялись, были даже отдельные приветственные выкрики. Весть о прибытии правящей четы с быстротой молнии облетела город.

Должностные лица — городской патрициат — потянулись в ратушу, не дожидаясь приглашения. Пожилой главный судья — бургграф — с помощником в небольшой карете, господин бургомистр пешком от соседнего дома и начальник стражи верхом. Подъезжали главы купеческих гильдий — торговые старшины, старшины цехов, прочие члены магистрата. Важно, не спеша, обмениваясь по пути в здание друг с другом накопившимися новостями, следовали в зал собраний.

Там было пока не протоплено, но для солидных задов на богато украшенных резьбой дубовых скамьях были разложены бархатные сидушки с кистями. Потомки старинных городских обывателей рассаживались на свои столетиями насиженные предками места. Огромные капиталы и обширная торговля упрочили их положение. Им хотелось расширить компетенции городского совета. Появилось жгучее желание превратить его из органа власти местного суверена в орган общинной, то есть собственной власти.

Постоянно то один, то другой взгляд устремлялся на пустующие два кресла на возвышении. Длительная задержка правителя земель Ольденбургских нервировала патрициат, зачем он по окраинным улицам разъезжает, вместо того чтобы возглавить Совет и похвалить их за работу. Ведь они справились с самой чумой! Наконец-то! Раздался характерный лязг доспехов

в движении, герольд зычным голосом начал перечислять титулы графа, слуги приготовились отворить высокую двустворчатую дверь.

Она была крепкой, старинной, дубовой, видела много на своём веку, поэтому легко выдержала открытие «с пинка» обутой в рыцарский башмак ногой. Пара слуг свалилась замертво, Элимар дождался замешкавшуюся супругу, с ней об руку быстро прошёл к возвышению. Члены Совета еле успели встать и склониться в поклоне, так стремительно он ворвался в помещение.

Вернувшийся домой, слава богу, живым и здоровым, Микаэль рассказывал и изображал нам в лицах всё действие в ратуше, получалось артистично и зрелищно.

Усадив жену, Элимар остался стоять, опираясь двумя руками в стол. Знаменитый, пригибающий к земле взгляд достался графу от отца. Многие пожилые члены Совета помнили этот взгляд и невольно ёжились. Сесть пока никто не мог, глаза непроизвольно опустились вниз сами по себе.

— Я должен сам проверять лари с продуктами во вверенном вам городе? Сам считать поленья? Думать о каждом подёнщике? Для чего вы тогда нужны? Сядьте все!

Престарелые и не очень, но все тучные мужи опустили зады на свои подушки.

- Господин судья, напомните: МОЙ предок даровал в ленную собственность землю, удобную для торга и ремёсел, предкам ЭТИХ людей?

- Совершенно верно, Ваше сиятельство! Грамота хранится здесь, в ратуше. Ваша грамота у Вас в замке.

- Было ли там условие этого поистине бесценного подарка?

- Их было несколько, если Вам угодно, я перечислю.

- Содержание и выставление городского войска в случае осады либо войны. Ежегодная уплата ренты товарами и деньгами. Признание верховной власти суверена и его потомков. Судья помолчал, вспоминая.

- Если позволите, я схожу, прочту, освежу в памяти, но, насколько я помню, всё.

- Может, кто-то из вас, господа члены городского Совета, вспомнит? Нет??? Пункт первый: земля была дарована с условием заботы, защиты, возможности заработка людей, её населяющих. У вас целая улица чуть не вымерла. Не от чумы. От голода и холода.

Судя по недоумённым переглядываниям, самые высокопоставленные члены Совета были не в курсе.

- Господин судья, если одна из сторон не выполняет условия договора, что по закону может сделать другая сторона? Отвечайте громче, не бубните!

- Другая сторона имеет право расторгнуть договор. Имеет право потребовать компенсацию. Имеет право пересмотреть договор на иных условиях.

- Иными словами, я имею право вас всех поиметь и вышвырнуть с должностей. Либо поиметь на других условиях, но с компенсацией! Мне.

Некоторые городские патриции повскакивали с мест:

- Мы, уважаемые люди, из-за плебеев должны такое терпеть! Не смейте нас оскорблять! Их одобрительным гулом поддержали все остальные, кроме цеховиков.

Граф хрюнул латной перчаткой по столу, она, громохоча, упала к первому ряду скамей. Бряцающая оружием, в двери прошли и встали по периметру двойным охватом пятьдесят воинов графской охраны. Воцарились тишина и порядок.

- Вы возомнили себя полноправными властителями города, находящегося на моей земле! Построенного по воле моих предков! Вы получаете оплату из казны города за должности, берёте взятки за каждый чих. Едите из золотой посуды, спите на шелках! Пьёте кровь этого города! И при этом не хотите позаботиться о его жителях в трудную минуту? Я не сказал «не можете», я сказал «не хотите». Вы все пользуетесь их трудом за гроши, в том числе и цехи.

Подёнщики нанимаются на день, получают плату за день. Несколько дней без работы – они уже голодают. У них никогда нет припасов. Вы не платите им зимой больше, чем летом, не убавляете плату за дом, чтобы они могли купить дрова. Никто из вас не задумался, чем для них обернётся запрет выходить из дома! Или эти люди, их труд совсем не нужны вам? Я могу хоть сегодня увести их из города, дать им жильё, хлеб, работу, землю.

Графиня заёрзала в своём удобном кресле, незаметно подергала мужа сзади за плаш. Только двух сотен голодных ртов ей сейчас в замке не хватало.

- Секретарь, пиши: «Я, граф Ольденбургский... повелеваю: создать в подвластном мне городе Ольденбург новый цех подёнщиков, с правами, правилами и привилегиями, обязанностями по примеру других цехов. Старшину грузчиков назначаю старшиной цеха. Освобождаю от ремесленной подати навсегда. От денежной – на год».

Пока граф диктовал документ, люди выражали своё мнение мимикой: от потрясения до довольных ухмылок. Подёнщикам цех? Да это разве ремесло? Новый цех давал ремесленникам дополнительный голос в Совете.

- Ваше Сиятельство, графиня Ингрид Ольденбургская и Дельменхортская, Вам передаю слово.

Ингрид легко поднялась с кресла и вышла вперёд, спустившись с помоста. Любезно улыбнулась первому ряду.

- Господин бургомистр, позвольте представить Вам и всему Совету горожанку управляемого Вами города. Поклонитесь ей с благодарностью, она спасла Вас от повешения за шею. Просите!

Маленькая женщина зрелого возраста в строгом, дорогом тёмно-зелёном котарди вошла в зал, присела в поклоне перед Советом. Увидела перчатку на полу, подняла, поднесла графу:

- Ваше сиятельство, Вы обронили.

- Госпожа Генриетта, супруга главы цеха пекарей. Председатель женского Совета горожанок Ольденбурга и с этого дня, волею графа, их представитель в городском Совете.

- Неслыханное дело! Бабу в Совет, да где же справедливость? Монсиньор, что Вы молчите?

- Бабы, как Вы изволили выразиться, господин гильдейский старшина, государствами иногда управляют. В Совете вашего захудалого городишки подавно могут состоять! Её сиятельство тоже... женщина, давно в Совете, на пользу городу. Подойди, дочь моя, под благословение на труд во благо Господа нашего!

Генриетта опустила на одно колено, поцеловала перстень епископа. Он перекрестил её склоненную голову, с победоносным видом оглядел ошарашенных высокопоставленных чиновников. Епископа, человека из богатого аристократического рода, ещё не старого, приятной внешности мужчину, недавно сослали из имперского города Гамбурга в провинцию за женолюбство. Разумеется, никто тут об этом не подозревал.

Этот жест стал его маленькой личной мстью кардиналу. Женщин по-разному любить можно. Вбить клин между сувереном и патрициатом тоже приятно. Ослабнут обе стороны, Церковь усилит влияние. *Divide et impera* (разделяй и властвуй), не нами придумано, не нам и отменять.

Бургомистр вспомнил, что обязан Генриетте жизнью, правда, пока не понял почему, видимо, замолвила за него слово перед разгневанным графом. Он грузно, придерживая живот одной рукой, опустился на одно колено перед дамой, приложился к протянутой сухонькой руке, счёл нужным добавить:

- Благодарю Вас за бесценную услугу, глубокоуважаемая госпожа Генриетта! Под бесценной услугой бургомистр разумел спасение его шеи от пенькового галстука.

Женщина, поняв иначе, ответила:

- Я старалась для блага города и горожан. Толстяку, избранному Советом большинством голосов на эту должность именно за его изумительную глупость, было приятно, что его жизнь важна населению: «Она глупа менее остальных баб, пусть сидит в Совете».

Цеховики боялись поверить своему счастью – два перевешивающих голоса в один день! Ведь это они делают богатство города своими руками, их мастера, подмастерья, ученики, дети. Сливки снимают городские власти, а им – снятое молоко! Конфликту этому лет двести, если не больше.

Изначально все слои горожан стремились к ослаблению зависимости от феодала. Добились своих законодательных прав и суда, стали управлять совместно с Советом. С огромным трудом главы цехов пробивались к управлению. Сейчас ремесленный люд отстаивает свою независимость от городской верхушки. А верхушка мечтает избавиться от тяжелой руки суверена и влияния его родни... Церковь партии поддерживает либо стравливает, исходя из своих интересов. Все против всех. Впервые настал момент, когда интересы двух партий совпали, есть возможность объединиться.

Граф вновь обратился к судье:

- Что законы города говорят на этот счёт? Кто может представлять горожан в Совете?

- Любой совершеннолетний человек, владеющий имуществом, представляющий интересы большой группы людей, избранный ими, может быть членом Совета. Не сказано, мужчина или женщина.

- Монсиньор, женщина – человек?

- Несомненно, сын мой, несомненно. Человек, производящий на свет Божий других людей. В Библии на этот счёт сказано...

- Благодарю, монсиньор! Господин бургомистр, а много лиц женского пола проживает в Ольденбурге? Хотя бы это знаете?

Бургомистр вывернулся: «После войны гораздо больше, чем мужчин, Ваша светлость!» Предупреждая следующий вопрос мужа, Ингрид показала протокол избрания главы женсовета.

- Пройдите и займите почётное место в первом ряду, госпожа член городского Совета, госпожа председатель женсовета.

Чутьочку поколебавшись, Генриетта села рядом с епископом, совершенно ошибочно полагая место безопасным для своей женской репутации.

- Глава гильдии торговцев мукой, зерном и крупами!

Подскочил, прижимая берет к груди, довольно молодой мужчина, котарди его было увешено золотыми цепями в несколько рядов.

- Можете идти и снять с виселицы своих торговцев. Стража, сопроводите, видите, человека ноги не держат. Снимает пусть сам. За живописной группой закрыли дверь.

- За ноги, господин судья, за ноги повешены. Не зверь же я, без суда за шею вешать. Граф оскалился львиной улыбкой в сторону бургомистра. Тот побагровел, схватился за завязки пурпуэна.

- За десять дней карантина цены на главную еду бедняков этот милый юноша сегодня поднял в три раза. При переполненных складах! Лично повешу главу соответствующей гильдии за шею столько раз, во сколько повысится цена. Буду снимать и снова вешать, снимать и вешать. Но только по решению суда! По закону. Граф улыбнулся судье.

- Сейчас мы этот новый закон примем. Воины застоялись, переминаясь с ноги на ногу, лязгали мечи и доспехи. Приняли почти единогласно. Потому что кто сильнее, тот и прав. Отныне повышать цены на еду можно было только по согласованию с Советом, с объяснением причин.

Слово взял епископ. Шурша фиолетовой шелковой сутаной, поднялся на помост. Он нёс на вытянутых руках завернутый в красную парчу свёрток. Лицо выражало значительность момента.

- Уважаемый Совет! Сегодня мы присутствуем при поистине величайшем событии: в дар городу преподнесена священная реликвия! Это список с учения Святого великомученика Пантелеимона. На латыни. С его прижизненным изображением. Найдена сия драгоценность путешественником и купцом, отцом лекаря Микаэля Тургезе, в пещере Нового Афона, где усекновением головы прервалась жизнь непревзойдённого целителя.

Все замерли. Даже лязганье со стороны воинов прекратилось. Епископ благоговейно развернул ткань, поднял над фиолетовой шапочкой тяжёлую большую книгу. Потом встал на колени и поцеловал краешек серебряной застёжки.

- Давайте же помолимся об чудесном обретении реликвии! Благодаря её присутствию в городе и монастыре от чумы не умер ни один человек! Чудо! Чудо!! Чудо!!!

Общество дружно, с энтузиазмом начало молиться. Стёрлись ненадолго противоречия, забыты до поры разногласия и вражда. И это тоже маленькое чудо.

- Разрешаю присутствующим прикоснуться, пока есть такая возможность! Во избежание порчи переплёта лёгким касанием руки к пластине.

Реликвию положили на стол. Непонятно откуда, словно фокусник, служитель Господа извлёк коробочку с щелью, поставил неподалёку.

- Жертвуйте, верующие, на оплату труда переписчиков! Ибо знания Святого целителя будут руководством для лекарей на века! В нашем городском соборе реликвия займёт почётное место. По предложению дарителя в городе будет построен церковный лекарский центр. На средства, что принесёт нам паломничество к этому Дару Божьему.

Верующие потянулись вереницей коснуться святыни. Дело для них привычное. Однако это была первая религиозная реликвия в Ольденбурге. Ближайшая находилась в монастыре госпитальеров.

Пока шла суета с поклонением, Ингрид подошла со свитком и небольшой коробкой к успокоившемуся, радостному бургомистру:

- Вам поручается от имени города вручить эти награды упомянутым лицам. Средства за ювелирные изделия в означенной сумме из городской казны вернуть в казну графа.

Приободрившись, чиновник торжественно зачитал грамоту о награждениях за борьбу с чумой. Микаэлю, который с огромным интересом наблюдал за разворачивающимся действием, вручили гигантский фиолетовый аметист в форме сердца. Бывший брелок от ключей Идалии. Лекарю Клаусу из монастыря толстую золотую цепь с золотой же подвеской в форме ажурной башни. От сумочки Идалии. Госпоже Генриетте – золотую брошь в виде двух пересечённых сердец, с россыпью рубинов. Заколка Идалии. Начальнику стражи – богатую серебряную цепь. От моего клатча. Простому стражу, зятю своей тётки, - мужской серебряный браслет. Бывший стальной, Северина. Господин главный крысолов и золотарь удостоились получить по драгоценному золотому перстню с крупными камнями, но неподходящего, маленького размера. Когда-то дешёвые перстеньки со стекляшками нашей сороки Идочки.

Очень удачно удалось продать наши бижутерные «драгоценности» из двадцать первого века. Посредничеством графа пощипать заплывший от сала городской патрициат. Найти одиного покупателя на вещи столь высокой стоимости в графстве невозможно. Даже граф и придворный ювелир Гольдштейн не могут позволить себе такие покупки. Обналичить можно будет уже в феврале. Мы сможем отстроить не просто деревенские улицы, а несколько городских кварталов с объектами инфраструктуры.

Глава седьмая.

Амелинда.

Наконец-то! Дождались! Вечеру распахнулись ворота, въехал вернувшийся из Берга обоз. Естественно, с попутным грузом. Десять карантинных дней минули. Пансионерки как раз вышли на прогулку. Во дворе началось подлинное столпотворение.

- Как доехали, какие новости? Все ли здоровы? Что привезли?

Срочно, прямо сейчас нужно девицам всё знать, словно потом всем заткнут рты и уши. Я смотрела из центрального окна второго этажа. Высокой, плечистой фигуры не было видно. Сумерки, народ туда-сюда снуёт. Проглядела, в конюшню или в дом успел зайти?

Первым делом, даже не разгружая обоза, всех пригласили в трапезную – раздеться, греться, пить горячий медовый взвар, в кухне готовят дополнительный ужин. Девушек отправили к их вящему неудовольствию наверх. Эмма скромно уселась на своё новое место, с удовольствием наблюдала, как мечется молодая хозяйка с кухни в зал, раздавая распоряжения и хватаясь сама за кувшины и подносы. Чего ей по рангу не положено.

Кёрстин шпыняет неизвестную мне девицу, и та идёт помогать Идалии. Я прошлась по залу, мельком заглянула на кухню, прихватила тазик с завтрашними пирожками, отнесла к столу. Гордея нигде не было. Десятка дружно налегает на ужин, ржёт каптёр Глушила, а его всё нет.

Идалия заметила, как я нарезаю круги. - Где же ваш десятник, воины? Почему его нет? С ним всё в порядке?

Спасибо, Идусик, спасибо!

- Чё с ним сделается, отстал немного, лису увидел, подранил стрелой. Сказал, добрать нужно. Вам госпожа фон Дрез пару лихих вязких гончих подарила. Живо по зрячему возьмут.

Так. У нас есть госпожа уже фон Дрез, и где-то в темнеющем поле, на морозе одинокий охотник. С борзыми, тьфу ты, с гончими. Там ветер, разбойники, ямы, волки! Намекнуть надо.

- Лису, значит, увидел. А волков не встречали?

Переглядываются. Воислав с Ратибором поднимаются. Со двора слышен звонкий залистый лай. Ему вторят тонким тьявканьем свадебные подарки – щенки, путающиеся у всех под ногами. Пустующая прежде псарня активно пополняется.

Распахнулась дверь – вот и я, полюбуйтесь на меня! Удачливого охотника, красивого мужчину, десятника и просто младшего боярского сына! Заснеженный, большой, на вытянутых руках несёт тушку со стрелой в боку. Мне???

- Прими, боярышня, трофей охотничий на воротник к шубе!

Трофей хорош. Очень хорош. Великолепный, прямо скажем, трофей. Это в будущем их в клетках разводят. Сейчас лисы с такой окраской встречаются редко. Мутация. Серебристая чернобурка, весьма крупного размера. Пучеглазка быстро протянула лапку, жадно схватила лису, почему-то за хвост. Ляпнула комментарий уже я лично:

- Ишь ты, яйца какие крупные! Здоровущий лисовин! Благодарствую, Гордеюшка, сын боярский. По сердцу подарок! Только шкурку снять бы надо.

- Сниму, давай его. Значит, по сердцу? Может, отдаришься чем?

- Нет ничего подходящего, знала бы...

- Да вон платочек в зарукавье, сойдёт.

Взял платочек, слегка сопливый, и ушёл. Шкурку снимать. Пока тёпленькая. А я что? Если стол накрыт, можно ещё раз покушать. Убавление нормы питания пошло на пользу моей красивой фигуре, она на глазах становилась ещё красивее. Обмен веществ Большой Босс обе-

щал наладить, вот и результат. Аппетит прекрасный всегда, глаза только и смотрят, где бы да что ухватить. Ну вот чего Верена так на меня выпучилась, объем я её что ли?

Пирожки с рубленой дичиной, румяные, ароматные, с хрустящей корочкой, смазанной яйцом, на завтрашний завтрак кухня их пекла. Нет, нет, постой! Куда ты меня волочишь? Я с силой перетянула брата и все-таки смогла ухватить пирожок. Андреас настойчиво взял меня под локоток, быстро затолкал в комнатку Августы. Морду лица сделал грозную.

- Ты что творишь! Ты в своём уме? У всех на глазах... Что делать теперь, ума не приложу, что делать?

- Объяснить, с чего ты тут причитаешь. Я пока поем.

- Ты! У всех на виду, у всех на слуху дала согласие Гордею официально ухаживать за тобой, быть его... Нет, не невестой, пока девушкой. Ты заранее одобрила его сватовство, если ему вздумается, а ему вздумается! Я видел, как этот кот сразу, как появился, тебя пометил!

- С чего бы? Какое согласие? Когда, не припомню.

- Обычай принятия подарка на людях, особенно трофеев охотничий, да ответила «по сердцу», да с отдарком! Тем более платком! В Средние века и гораздо позднее такое событие равноценно предложению и согласию девушки.

- Итить-колотить! Задрали меня уже эти свчаи-обычаи! То заслуженных людей нормально повесить нельзя, то из-за дохлой лисы замуж иди! Не кольцо же он подарил. Я скажу ему, что не знала, от жадности взяла.

- Ты средневековая девица на выданье, априори не можешь этого не знать! Ты оскорбишь его! Зачем лапы тянула? Можно было скромнее себя вести? Учит тебя Эмма, учит. Вот прикажу, розог получишь!

- Ты говори, да не заговаривайся, не зли меня!

Брат тут же пошёл на попятную:

- Ладно, ладно. Спокойнее. Думай пока. Время тяни. Скромнее!!! Господи, кому я это говорю?

Расстроенный Андреас ушёл. В задумчивости села на кровать Августы. А что тут у неё на столе под тряпицей? О-о! Спустя пять минут я отряхнула крошки в тряпочку, не выходя в общий зал, прошла в левую башню и к себе на второй этаж.

У меня тут гостя, оказывается, сидит, дожидается. Замужняя дама Кёрстин фон Дрез. Общее впечатление – немного похорошела, глаза изменились: блестящие, спокойные. Раньше как у забитой больной собаки выражение глаз было. Поболтать пришла, поделиться.

Смену власти в баронстве приняли спокойно, после выплаты долгов за службу – даже с радостью. Начальник стражи получил расчёт, уволился, уехал в город. Один из наёмников просто исчез, тот самый наглец, что Веренку чуть не увёз. Приближенные слуги и охрана в Ольденбурге вместе с хозяевами сидят в тюрьме. Так что бунтовать против новой власти никто и не думал.

Дети почти здоровы, уже поправились. Их секли розгами якобы за непослушание. Баронесса всегда находила, за что наказать детей. Няня и кормилица старались, чтобы они не попадались ей на глаза. Не получалось. Ели за одним столом. Им нарочно давали крошечные порции. Ребятишки тянулись за пищей в общем большом блюде, а получали по рукам розгой. Тощие заднюшки и спинки были все в багровых полосах.

Няню порол кнутом у столба за то, что таскала куски детям. Она долго болела и уже не могла помочь детям. Тогда их стали подкармливать по очереди почти все слуги. В детской по приказу баронессы топили через день. Слуги потихоньку приносили разогретые кирпичи из кухни в кровати. Глубокой ночью истопник топил им камин краденными поленьями. Сберегали детей, как могли, сами под угрозой жестокого наказания. Кёрстин вознаградила слуг деньгами и даже добрым словом, чего за ней ранее не водилось.

На третий день после прибытия в Берг Кёрстин и Орбанта обвенчал священник. У них в Берге была кирха. Сыграли скромную свадьбу, только живущие в замке и приехавшие с ними воины. Все, кто там был, в изоляции. Решили вдвоём, что разумнее так будет. Тянуть не надо. Чтобы управлял баронством и стал опекуном полноправный родственник наследника. Ибо род Берг многочисленный, мужчин много. Могут претендовать.

- Ещё Орбант сказал, так спокойнее меня на учёбу отправлять. Вдруг молодой красавец приметит и невесту уведёт. Пошутил. Кому я сдалась? Прекрасно понимаю, его граф принудил жениться.

- Такого человека принудить? Не того он роду-племени. Барон фон Дрез замок приказал сжечь, чтобы фризам не достался. Ты довольна мужем? В смысле как женщиной? Как он тебе? Познакомились за шесть дней до замужества, ведь совсем чужой человек. Сложно, наверно.

- Мне неловко перед ним. Стыдно. Бракованный товар.

- Ты человек, Кристи. Не товар. И никогда им не будешь! Разве можно о себе так говорить, себя унижать? Ты уважения к своему мнению у Орбанта требовала, забыла?

- Я ведь про тело только так думаю. Как будто оно не моё, а само по себе, отдельно. Легче боль и унижения было переносить, это не я... это не я.

- Всё позади, милая. После суда шрамы будем лечить, Микаэль мазь чудесную делает. Заживут, и следа не останется. Но есть шрамы на душе, их тоже надо лечить. Если захочешь почти забыть, что было, я помогу тебе. Тоже после суда. Тебе ведь придётся на вопросы точно отвечать судьям. Всё поправимо.

- Он брезгает мной, Линда! У нас даже брачной ночи не было. В щёку или в лоб поцелует, по голове погладит, за руки подержит, поговорим и всё. Уходит спать на тюфяк для прислуги. Хоть выпится нормально сейчас, кровать свободна.

- Хорошо спит?

- Нет, долго лежит, вздыхает, ворочается. Постель неудобная.

- А ты что не спала сама, слушала его? У тебя-то постель удобная.

- Не спалось. Обидно. Думала, почему не идёт ко мне. Вот додумалась, наверно, противно ему.

- Сама мужа почему не позвала?

- Вот ещё! Навязываться. Что меня мама на сеновале родила? Я баронесса! Нам обоим брак этот выгоден, потерплю.

- Слушай и запоминай. Он бережёт тебя, Кристи. Бережёт и жалеет. Хочет, чтобы ты привыкла к нему, доверяла. Ты ведь просила у Бога доброго и порядочного? Он деликатный человек. Дает время. Это правильно, тебе пойдёт на пользу. Всё у вас будет в семейной жизни замечательно.

- Хорошо бы если так, умеешь душу успокоить, прямо как святой отец!

- Слушай! Понять не могу, отец Конрад нарушил тайну исповеди? Почему графу стало известно? Я никому не говорила.

- Он выслушал мою исповедь. Мне даже показалось, плакал, не видно, но слышно. Посоветовал рассказать графине. Или ему разрешить с графом поговорить. Как ты, также сказал – нельзя терпеть, замалчивать, даже если стыдно. Я ему доверила, разрешила, сама не смогла.

- Правильно. Это их грех, не твой! Тебе нечего стыдиться. Храбрая ты моя умница! Обнимашки!!!

- Линда, я так рада за тебя, хорошего парня отхватила! Бог даст, и ты скоро замуж выйдешь.

- Ой, дура, я дура, что натворила! Мне это замужество ни к чему. Ошиблась, забыла про обычай. Мех сильно понравился, вот сама не знаю как – рука протянулась, схватила. Мозг от жадности отшибло.

- Гордей жених завидный, собой хорош, знатен. Иностранец. Земли, правда, своей не имеет, зато богат. Как раз для тебя, жадины, подходящ.

- С чего бы? Наёмники богатств больших не наживают, так, к старости кто выживет на домик либо лавку.

- Повезло ему крупно. Он смог пленника взять знатного, то ли племянник фризского короля, то ли брат. Выкуп получил огромный. Баронство купить хватит.

- Так уж баронство? И где то его богатство? Конь как у всех, одет как все, ест как все... Внаймы служит.

- Ты в каком веке живёшь, подруга? Прямо совсем отстала. Для хранения больших денег менялы есть. Не таскать же с собой три сундука золота.

- Три сундука... Золота?!

- Ну, сундучка. Ты только сделай вид, что ничего про богатство не знаешь. Вижу, сам по себе он тебе нравится. А с сундучками тем более.

- Ошибка вышла. Не хочу в принципе замуж, нравится – перенравится. Ни за кого не хочу. Детей не хочу. Хочу жить одна, быть свободной, быть сама себе хозяйкой и ни с кем не считаться. В этом времени я себе пару не встречу.

- Странная ты, Линда. Много слов странных говоришь, поступки непонятные. Но я люблю тебя со всеми странностями. Года нет, как отец ваш помер. Траур у тебя, можешь всех женихов пока отваживать.

- Ой, правда, спасибо! Прямо из головы выскочило, траур же! Ура!!! О, Господи, прости душу мою грешную.

Я спросила о девушке, прислуживающей Кёрстин. Занюба Ганса по имени Анна согласилась ехать с ним в качестве невесты. Деваться ей в любом случае некуда. Родители девушки от счастья, что берут порченую, даже приданого денежкой добавили. Пока не обвенчают, будет её горничной. Ганс на седьмом небе. Осталось только матушкино благословение получить. Кто у нас матушка? Илма. Да. Будет непросто.

- Саней гружёных много. Что привезла, Кристи?

- Барон просил для стройки любой товар, какой предложить сможем. У нас слюды месторождение, готовая к вставке в рамы, двадцать ящиков. Уголь привезли бурый, шесть саней. Доски — трое саней, так, по мелочи, что наскребла. Деньги нужны, мы все долги покрыли перед работниками. Казна почти пуста.

Что мне понравилось в этом времени и месте: не было крепостничества, люди нанимались за оплату. Слуги за полное содержание и подарки. Задолжники по аренде или налогам имели возможность выкупа из кнехтов после уплаты долга. Могли отработать долг. Крестьян не продавали, не покупали.

Следующая новость была суперважной. Пока воины трёх баронств и графа были вынуждены десять дней взаперти в поместье находиться, перезнакомились, сдружились. Тренировались вместе. Гордей высказал мысль: добро бы трём дружинам заключить воинский союз надолго. В случае если серьёзный враг нападёт, вместе сражаться. Фон Дрез поддержал. Ждём согласия от Штакельбергов. Договоримся, образуется войско – настоящая сила. В этом веке кто сильнее, тот и прав. Наши шансы защитить своё маленькое государство резко возрастут.

Странно, почему эта мысль министру обороны в рыжую голову не пришла? Чем она у него занята? Или кем? Когда-то я им заинтересовалась, неделю места себе не находила: брать — не брать; он даже не заметил. Что сейчас-то? Позднее зажигание? Замучил меня своими умственными экзерсисами. Приходит чуть не каждый вечер мозгами померяться. Голос Разума — ГР — доволен. Жабке скучно. Мне всё равно.

Ай да Гордей Вольгович, ай да молодец! Умён, храбр, молод, собой хорош и, что немало важно, — три сундучка! Золота.

Глава восьмая.

О, воин, службою живущий,
Читай Устав на сон грядущий!
И утром, ото сна восстав,
Усиленно читай Устав.

Северин.

Жагда перемещений овладела жителями поместья Мюнн. Насиделись на карантине, хватит! Казарма отремонтирована, подготовлена к проживанию десятки. Под радостное ржание молодых коней, то бишь воинов: Ратибора, Горазда, Богдана, Воислава, Услава, Стояна, Сумарока, Одица, ну и не совсем молодого Хорса, вкупе с каптёром Глушилой и десятником Гордеем происходит заселение.

Я тоже манатки свои соберу, перееду. От казармы ещё не отвык, год как дембельнулся. Места с запасом, их одиннадцать, плюс я и Витёк. Ещё два топчана свободны останутся, думаю, пустовать долго не будут.

Невозможно во флигеле жить, видеть каждый день их счастливые лица. Свадебный портрет дописал, хватит с меня. Начну между делом «парсуны» девчачьи писать. Позирование, то да сё, подбородочек повыше, глазки на меня. Может, наклонится что с какой, по полной программе. Клинь клином.

Не, нельзя по полной, знатные они, им нераспечатанными замуж полагается. Что тут парень двадцати с плюсом лет тем же страдает, никому нет дела. Моя проблема. К Линде обратиться? Видел, ходят к ней наши. И не наши тоже. Вообще офигел от своей характеристики тогда. Я сам себя так не знаю, как она. Точно, схожу. Ни разу не слышал, чтобы она о ком лишнее сболтнула.

Сарочку позову позировать завтра, она не баронесса, из ремесленников. Может, что немного позволит, аппетитная деваха. На Мишку запала, проходу парню не даёт. Не только она, многие. Он тормоз, счастья своего не понимает, бежит от них, смех и грех. А я завидую. Молча. «Герцог» Витя круги вокруг Линды нарезает, замучил девчонку своими философскими беседами. Подсказать надо: не с того боку заходит. У неё вторая молодость. Организм совсем о другом думает. Не, не буду подсказывать.

Я за Гордея болею, вот он на верном пути. Психологиня наша залипла. Мужик что надо! Как он меня тогда на ярмарке отмутил! Пока я сложную комбинацию приёмов разворачивал, он по-простому мне дал кулаком в харю. И всего делов! Народный спорт, кулачный бой. Буду учиться. Мечный бой возобновить надо. Андريس только два месяца нас вёл. Это мизер, тут с детства годами учатся.

Гордею и команде тоже интересны приёмчики рукопашки: защита и нападение, ударная техника руками, ногами, головой, борцовская техника, болевые приёмы – всё покажу, научу. Благо физподготовка не требуется, парни из одних жил и мышц свиты. Тело их оружие и орудие труда. Здесь война – контактный вид мужского спорта. Медаль – жизнь.

- Север, а ты куда собираешься? Надолго?

- В казарму перееду. Виктор тоже, как с работы придёт, мы съезжаем из вашего гнездышка, Идочка.

- Вы нам не мешаете.

- А вы нам мешаете, во флигеле звукоизоляция не очень хорошая, не то что в замке.

- Понимаешь, неудобно, мы вдвоём целый дом занимать будем. Линда с Эммой тоже решили в замке остаться. Обжились, говорят, привыкли. Комнаты там больше, им нравится.

- Ида, ты хозяйка всего этого, тебе по штату положено. Дорасти уже мозгом. Второй этаж весь ваш. Первый – гостевые комнаты, мы каждый вечер попаданские кухонные советы проводим. Не переживай, используются помещения.

- Портрет чудесный. Ещё раз спасибо! Как посмотрю, сразу представляю...

- Не надо, Ида. Ты представляй себе что хочешь. Мне знать не надо.

- Извини. Не хотела тебя обидеть, сделать больно. Я чувствую – тебе больно. Но я не виновата.

- А виноват он в том, что хочется мне кушать! АММ!!!

- Дурак! Иди уже, я сейчас заплачу!

Фух! Поговорили, называется. Почуяла. Хотя я ни разу не прокололся. Просто – почуяла. В казарму, блин, в казарму, подальше от бабья!

Всегда радостный каптёр распределяет тряпки: постель, тельники средневековые – камизы, труселя – брэ. Народ меряет, довольны. Я в цех отдам свои треники и семейники на растерзание, пусть скроют с образцов и пошьют из полотна, со льна. Отлично работают и зарабатывают на заказах девахи. Ходить в кожаных портках, как предки-славяне, не хочу. Симпотно, но потно. До обеда сегодня воинская учёба.

Обедать будем здесь. Стол общий, лавки. Печь большая с плитой примыкает к стене в середине казармы. Закуток кухонный. Жена Куно хлопочет, кашеварит. Понятно, почему её Глушила нанял – страшна как смертный грех. Хотя... Глянем художественным глазом. Черты лица, пропорции – нормально. Не старуха. В чём дело-то? Фигуру не определишь, вся в каких-то тряпках. Ладонь мосластая, как лапа у птицы. Высокая для местных.

Чёрт, чёрт, чёрт! Фото заключённых концлагеря и анорексичек тупых. Голод, настоящий долгий хронический голод, наложил отпечаток на внешность женщины. Я не видел раньше её близко. Мейд зовут. Видимо, ей пришлось хуже многих деревенских. Сделаю всё, что в моих силах, через силу сделаю, чтобы народ простой не голодал. Это моя святая обязанность. Я – мастер продовольственной безопасности.

Родным духом запахло, деревней, подтягиваются парни из Мюнна. Двадцать восемь краснофлотцев. Ученики наёмников. От четырнадцати до двадцати пяти лет. Тут рано взрослеют. Мужчины. Петеру двадцать, как и мне. У него жена и три спиногрыза. Есть кого защищать. Мотив для учёбы у бойцов имеется. Невысокие, худые, но жилистые. У тех, кто старше, руки до колен, лопатами. Сутуются, стесняются. Всех знаю, их семьи, проблемы. Даже чего и сколько у них в закромах.

Я люблю эту деревню, её жителей с такой же силой, как ненавижу ту, в которой провёл детство. Гори она, та Чесноковка, синим сивушным огнём вместе со своими жителями – потомственными алконавтами! Моя Ба спасла меня не только от смерти, она меня от той жизни спасла. Земля ей, родной, пухом. Возвращаться мне не к кому и незачем. Здесь моя деревня, здесь мой дом родной!

В обиду ребят не дам. Надо подойти к Гордею, пусть с ними строго, без поблажек, но никаких унижений человеческого достоинства. В армии матом не ругаются. На нём разговаривают. Это унижением не считается. Шутки допускаются, чтоб почаще бегали и порезче приседали.

Построение. Гордей уже на грани сержантского нервного срыва. Понять можно. Какие тренировки нахрен? В шоссах, то есть в чулках, овечьих шкурах и огромных новых валенках. Форма нужна крестьянам, будущим бойцам. Зимняя, летняя. Каптёр решил, что это зона его ответственности. Значит, скоро будет форма.

Жёстко мужика на войне обкорнали. По диагонали: рука, нога. Говорил, были просто раны, потом огневица, это так гангрену называют, началась. Тяпают по живому, без наркоза. Дубинкой по голове, местная анестезия. Потом калёным железом прижигают, для дезинфекции. Вот и сходи тут на войнушку. Жив останешься, доктора прикончат.

- Север, сходи к госпоже Идалии, спроси разрешения в трапезной пока заниматься.
 - С хрена ли? Не пойду.
 - Тогда иди, трясси деревья и собирай листья.
 - На хрена?
 - Не понял? Бе-гом!!! По команде "Бегом" руки сгибаются в коленях!
- Бегу. Старательно сгибая руки в коленях. Наш человек Гордей!

В трапезной расселись. Сегодня теория. Раз пока с практикой никак. Виктор начинает обучать основам воинской науки. Пришла Линда, с крестиком своим. Помолились об успешной учёбе. В голове словно прояснилось, ушли посторонние мысли. Сильно захотелось изучить «Основы тактики пехотного боя» и «Основы тактики притворного бегства».

Не я один такой старательный. Вся десятка, Гордей, Глушила слушают, открыв рот. В глазах деревенских парней отражается работа мысли. Они понимают! Виктор говорит простым языком. Рисует на столе схемы мелом. Разбирает примеры сражений. Реконструкторы, оказывается, серьёзные ребята. Я думал, они только костюмы с железяками красиво носят. Потом «армия» уходит в портновский цех, снять мерки.

Мы – в родную казарму, обедать. Зачётно готовит Мейд. Просто и вкусно. Питаемся теперь отдельно от замковских, только если пир какой по случаю позовут.

- Мейди! Спасибо, было очень вкусно. Ты сама поела?
- Я пробовала, мне достаточно.

Точно, при длительном привычном голодании желудок сжимается. Когда Ба меня от матери забирала, я уже сильно есть не хотел, хотя при случае наедался впрок. Она не ощущает голода, калорий не хватает, не поправляется. Гордей подключился:

- Ты при казарме теперь, баба. Приказы должна выполнять. Приказ – столуешься с нами. Вот твоя чашка. Ешь такую норму. Не меньше, больше можно. Нарушишь приказ – уволю. Как отвечать надо?

- Слушаюсь, господин десятник!

Эх, подушечку бы придавить мягонькую после сытного обеда. Но не судьба. В назначенное время прибыли из Хаггена и Берга посланцы, предварительно договор обсудить, о военном, стало быть, союзе. Я в этом не участвую, ни разу не командир. Мне приказал десятник приёмы с воинами отрабатывать, я выполняю. Не деревья же, в самом деле, зимой трясти. Листьев-то всё равно нет.

У меня своих дел, мастерских, выше крыши. Нужно дофинансирование выбить на покупку тягловой силы крестьянам к весне. Забыл включить в расходы. Имеются четыре лошади, шесть быков. Если на две семьи один трактор, то купить нужно ещё четыре.

Занятия в трех группах подряд, по основам селекции. Красотки думают, что будут сидеть в аудитории и строить глазки преподу, то есть мне. А придётся в амбаре сиськами, да тьфу ты! Ситами трясти, зерно крупное на посев отделять, пылица! Всё нужно просеять. За месяц управимся.

Глава девятая.

Виктор.

Состоялась официальная часть совместного воинского совета в составе: барон, мейстер обороны — лично я, Гордей — десятник, экс-десятник Глушила, старшой наёмников из Берга. У них начальника стражи не было, уволился при смене власти. Видимо, рыло было в пуху. Десятник их вообще сбежал, даже не получив расчёта, лесник нашел чистенькие кости, человеческие и лошадиные, вперемешку.

Из Хаггена прибыл начальник стражи. Я предложил болванку союзнического договора. Обсудили, дополнили, вычеркнули, взяли за основу. Доработаем в своих баронствах с коллективом и начальством, можно будет трубить общий сбор для подписания. Потом с нашими достопримечательностями гостей познакомили.

Казарма, из половины каретника переделанная, была одобрена воинами. Даже экскурсию с гордостью провели. Уют придавали оштукатуренные, побеленные стены, одеяла-покрывала из узорных лоскутов, большая печь с художественными изразцами. Нэле, жена Луца-трепача, умело нарисовала на каждой плиточке какой-то из видов вооружения. Приходила, с книг срисовывала и с натуры.

Полки длинные с посудой, собственно сама посуда, доски для разделки, рабочий стол — я просил мастеров украсить, как могут. Три узких окна немного расширили, сверху сняли два ряда камней. Слюдой застеклили, не бычьим пузырьём. Канделябры напольные сам сковал. Шторки нам выдали тёмные, кто с ночного дозора придёт, оконце рядом зашторить.

Пятнадцать больших топчанов не стали ставить в ряд. Размер помещения позволял расположить их вдоль стен. Полка над каждым топчаном вместо тумбочки. Напольная вешалка из реек для одежды рядом. Ближе к выходу тканевой ширмой угол отгородили нашему ветерану. При нём неотлучно ординарец — малой лет тринадцати. С ним и живёт.

Пояса со сбережениями десятка сдала на ответственное хранение в казну, точнее, хранилище, под расписку мейстера финансов и каптёра. Таскать на себе — замучаешься, ныкать каждый раз — проблема. Место в центре занимал стол персон на двадцать и лавки в два ряда. У выхода две стойки для оружия, полка для обуви. Полы утеплили. В казарме носили короткие войлочные чуни.

Переехали даже те парни, у кого отношения и намёки на семью появились. В деревню на свиданку сбежать можно, а тут ближе к службе, и за аренду не платить. Это Хорса да Сумарока с Одинцом уговорил Глушила, заботливо оберегающий наличные наёмников.

Отлично после воинского совета посидели. Предложили гостям съездить в деревню. Мы — попариться, пивка попить. Естественно, две другие договаривающиеся стороны об этом не догадывались. Им предложили пройти через тяжелое воинское испытание: раскаленным паром, хлыстами и ледяной прорубью. Прошли с честью.

Потом в чайной посидели, с напитками, блинами, пирогами. Стряпухи деревенские расстарались, мы им заранее рыбы и дичи совоей принесли с избытком. Отметить надо: Северин парень толковый. Организовал добычу. В бочках заморожено. Лежит, есть не просит, нас кормит. Ресурс. Охота, рыбалка — он за продуктовый запас переживает, а нашим воинам развлечение. Через день свободные от службы на охоту с рыбалкой ходят. Не всё на плацу топтаться. Пока сидели, три покупателя в пекарню заходили. За хлебом и пирогами. Однако. Проект работает. Деньга у людей появилась.

На свежепомытые, почти трезвые головы еще раз договор покрутили. Принцип единоначалия в объединённом войске одобрили, но на конкурсной основе. С экзаменом по планированию и руководству битвой. Буду готовиться, конкуренты серьёзные.

Забрали свои подштаники, уже подсохшие, у прачек. Тут же следом в лекарню зашли, купить ароматных чайных сборов. Здесь наши два гостя серьёзно растрясали свои кошельки. Богдан как раз мазь от рубцов покупал, так разрекламировал, что, несмотря на высокую цену, они взяли по три горшочка. С письменной инструкцией. Отличные менеджеры, все сотрудники бытового комбината! Заранее подготовились. Заработали.

Богдаша наш повеселел. Глаз ему доктор открыл, верхнее слипшееся веко отделил, старую рубцовую ткань срезал, снова тоненько, аккуратно зашил. Теперь шрамы свежие, на них хорошо мазь действует. Через что парню пришлось пройти. Но он сказал: «Когда смола текла, много больше было, на лбу сразу тоже режьте». Заплатил вдвое сверх запрошенного Микаэлем. Вторую операцию на щёку ждёт.

Как морда лица чуточку разровнялась, гоголем вокруг девок деревенских начал ходить. Несколько раз возле Линды его заметил. Я понимаю, Гордеюшка व्यюном вьётся, ровня. А это что о себе возомнил? Здесь сословные различия для серьёзных намерений препятствие непреодолимое. Или он на несерьёзные рассчитывает? Харя смазливая. С Линдой прокатить может. Она девушка свободных взглядов. Не легкомысленная, именно свободная. Захочет – возьмёт. У таких, как она, собственное кладбище разбитых сердец имеется. Я его пополнять не собираюсь.

Действовать надо расчётливо. Мои преимущества для неё на виду: современник, умён, для нее это важно. Внешность яркая. Должность важная, профессия востребованная. Карьеру только начал. Есть минусы. Не богат. Она девушка не промах, любит деньги, комфорт. Себя ценит. Я согласен, Линда достойна того, чтобы для неё создать лучшие условия. Так сказать, совершить подвиг на ниве материального обогащения ради Прекрасной Дамы.

Только пока я корячиться буду, Гордей-богатеи её из-под носа уведёт. Либо в любовницы, либо в жёны. Поскольку ей на статусы и репутацию... э-э, да, всё равно ей, в общем. Разведка в лице Вальдемара донесла – Гордей богат, даже слишком богат. При всех прочих остальных достоинствах. Главный соперник он. Вся надежда на ум Амелинды. Взрослый ум тридцатисемилетней женщины. Не может ведь она всерьёз думать о семейной жизни с хроноаборигеном? С трофеем подкатил, ишь, добытчик хренов. Мне девушку надо чем-то сильно удивить.

Чем голова твоя забита, лидер группы, между прочим, Линдой ненавязчиво назначенный? После её характеристики у попаданцев даже выбора не осталось. Нас не для счастливой личной жизни сюда ББ перекинул. Его цель – общение, обмен информацией с себе подобными. Для её осуществления человечество должно быстрее прогрессировать, сохранить себя, размножиться и заселить межзвёздное пространство. Всё этот разумный камень самолично объяснил. Действительно, толкёмся возле своей звезды сколько тысяч лет, ни тпру, ни ну.

Наши цели в этой части совпадают. Мало времени отпущено человеку для решения глобальных задач. Поэтому тормозится их решение. Амелинда умница, такой бонус нам всем умудрилась требовать. Здоровье, долголетие; сейчас устаю на работе меньше, успеваю больше, совершенно точно, мне не кажется. Остальной народ тоже как-то подтянулся, зашустрили все, активничают.

Фигуристая она стала, как гитара, нет, виолончель, глаз не отвести. Платья красят женщину, длинные платья добавляют тайны, красиво развеваются на ходу. Все девочки расцвели в этом времени. Романтик прямо. Эпоха Прекрасных Дам и верных рыцарей. До тех пор, пока рыцарю кишки не выпустят, а Даму не изнасилуют и потом выпустят кишки.

По этой печальной причине не отвлекаемся, не сворачиваем с основной мысли. От местных мелких агрессоров мы союзом трех баронств защитимся. Граф как суверен обязан присылать помощь. Большую войну в принципе нельзя допустить. Самое лучшее сражение то, которое не состоялось. У нас в планах дипломатическое посольство во враждебную Фризию. То ли в герцогство, то ли в королевство. Различные источники по-разному преподносили информа-

цию, я когда к фестивалю по германскому Средневековью готовился, много перечитал. Теперь точно узнаю.

Терять фризам нечего, море поглощает территорию. Плотность населения по берегам морей всегда высокая. Голодают все. От верха до низа. Скоро придут снова. Отчаявшиеся. Удивляет, что до сих пор не пришли.

Если граф деловой человек, пишет план на год и ведёт ежедневник, то помнит – в конце января к врагам дружить отправляемся. Пора готовиться. В первую очередь документы, письма, доверенные грамоты. Затем товары. Только пища. Зерно, зернобобовые, мука, крупы. Мясо мороженое. Мясо вяленое. Лесов, соответственно дичи, у них на побережье нет совсем. Два года подряд засуха: домашний скот кормить нечем, съели. Значит, сало, солонину, окорока копчёные. Мёд. Мороженный творог, масло, сыры. Вино, немного, для знати. Собирать надо со всех баронств – сборный караван.

Менять будем на соль. Больше у них сейчас ничего нет, а соль нужна всем и всегда. Это стратегический товар. Рыбу морскую вряд ли дадут в обмен, небось, только ею и питаются. Кони. Если удастся выменять фризских кобылок, будет великолепно. Овец тонкорунных, длинношерстных привезти, если найдём. Катарина мечтала. Голубей отпускаем в баронства, сигнал — пора готовить товары. Потом по дороге обозы будут присоединяться.

Вместе с товаром и дипломатическими предложениями едет свадебное посольство. Оно — наша главная ударная сила в этой войне за мир. Идея Амелинды. Северин начал писать портреты девушек-невест с пограничных с Фризией баронств. Во всем великолепии боевой раскраски и самоцветных гирлянд. К каждому портрету прилагается список приданого. Включая вдовью долю, малую часть территории баронства за дочь. Можно без войны получить приличный кусок земли и выращивать на нём своих ненаглядных общих потомков. Вкупе с овощами и зерном.

Можно и нужно в перспективе объединить два государства в одно. Графство Ольденбургское получит прямой выход к морю. Фризы — пространство для жизни. Я должен записать выгоды от этого слияния для графа и правителя Фризии. Это серьёзная цель.

Величие, масштабность государства — залог его неприступности и безопасности для его жителей, что в свою очередь даёт прирост населения. Народ, его бесчисленные руки и умы, творящие каждый день, — вот истинный двигатель времени и прогресса. Из этого океана человеческих судеб поднимаются жемчужины — гении, полководцы, художники, ученые.

Орден Волонтёров, подобно живым клеткам, будет прорастать повсюду, улучшать социальные условия, исцеляя и преображая общественную ткань. Чем лучше условия, тем больше может сделать для истории отдельная выдающаяся личность, оставляя свой след в веках.

Эпохи сменяют друг друга под грохот сражений и шёпот дипломатических соглашений, под натиском революций и ропот народных восстаний. Век за веком человечество расширяет границы познания и шаг за шагом совершенствует свою жизнь. И за каждым великим свершением, за каждым переломным моментом стоит фигура — вождь. Не всегда герой, но всегда тот, кто направляет течение истории.

Попаданцам придётся контролировать выдвижение подходящих людей. Это проще в структурах выборных. Сложнее там, где власть передаётся по наследству. На первоначальном этапе нужны интриги и... иногда убийства. Вальдемару с его агентурой карты в руки. Он в этом времени со своими наработками, как волк в овечьем стаде. Нужно взять его во Фрисландию, типа: везут убогого поклониться там какой-нибудь местной святыне. То, что увидит, запомнит и поймёт он, нам всем, вместе взятым, не понять.

Для того, чтобы обеспечить продвижение лучших руководителей в веках, нужны новые законы престолонаследования. Воспитание элиты. С детства внушаемая мысль: «Тяжела ты, шапка Мономаха». Осознанный уровень ответственности и огромного труда. Управленческая

практика для отсева непригодных. Чтобы прекратили рваться к власти ради власти. Ограничение личных расходов по закону.

В будущем браки элиты под контролем учёных, психологов, генетиков. Не обязательно пара правителя должна быть из знати. Кто приглянулся из народа, так это даже лучше. Для селекции нормального, здорового потомства. Евгеника. Не очень красиво звучит, но аристократы к контролю в этой области привыкли.

Объединение двух систем: избирательной и наследственной. Выборы лучшего, достойного наследника из числа имеющихся в семье правителя совершеннолетних детей, племянников, двоюродных и родных сестёр, братьев. Правящей династии, в общем. Раньше у них очередь на престолонаследие была, а станет избрание из числа наследников.

Мы с Линдой вполне подходим в качестве правителей. Я умён, люблю власть и работать для людей. Она здорова, очень умна, человечна. Можем нарожать качественных детишек, будущих руководителей человечества на пути к прогрессу.

Да что же это такое! До чего докатился! О чём ни думай – все мысли в её сторону. Что же королеве моей подарить, чтобы по сердцу, да с отдарком?

* * * * *

Глава десятая.

Амелинда.

Привычка людей двадцать первого века в один отрезок времени вмещать параллельно несколько дел, в веке четырнадцатом не встретила понимания.

- Не следует мешать дела правосудия с торговыми и хозяйственными хлопотами. Как это понимать: попутно вместе с обозом едем на суд? Вы знаете, насколько суд затянется? Сколько времени, где, десятки телег, лошадей и возниц должны вас ждать? Сколько стоит день простоя обоза?

Орбант фон Дрез втолковывал моему брату абсурдность мысли, совместить приятное с полезным. Тот уже сам понял, что сморозил глупость.

- Что ж, давайте сделаем наоборот. Мы выезжаем вперед. По окончании суда даём сигнал и ждём объединенный обоз в Ольденбурге.

- Другое дело. С кем объединяемся? Штакльберги?

- Да, они уже готовятся, как и мы. Гонца с письмом соседу фон Зиверсу послал. Вдруг у него есть желание продать излишки. Чем больше продовольствия, тем лучше нас примут во Фризии. Никто не может продавать много продуктов, самим нужен запас на случай чумы.

Объединившись, можно сформировать приличный торговый караван, который заинтересует фризов. Торговля вся остановилась, пять месяцев извне в графство не пропускают никого. Граница с франками на замке. Та же картина у них на побережье, все порты закрыты на вход и выход. Мы для них – манна небесная.

Разговор происходил в самой большой общей комнате второго этажа, где было два окна, и выход на балкон, мы называли её гостиной. Посередине стол для раскроя, вдоль стен лавки с прикрепленными прялками, кресла и стулья. По центру стены между окнами стоял обычный шифоньер, приволокли из флигеля, невиданное чудо, с зеркалом в полный рост.

Здесь располагался швейный цех, рукодельничали, собравшись в кружок девушки. У окна поставил свой мольберт Север. Одновременно были в работе шесть портретов невест из четырех баронств, граничащих с Фризией. Какую из них он застигал за работой в гостиной, ту рисовал, точнее писал. Позировать наедине Эмма запретила.

После тихого скандалчика с участием милашки Сары. Всего - то приспущенные с плеч рукава, не подумайте плохого, ради искусства! Её старшей наставнице сдала Луиза фон Дрез, решив подмочить репутацию конкурентке в борьбе за звание супруги первого лекаря графства. Казалось бы, такой цветник, наслаждайся! Но Северину реально было плохо. Видит око, да зуб неймёт.

Я грела уши с двух сторон – сидела у растопленного камина и слушала, совершенно легально, но, не встречая, разговор двух баронов. Естественно с рукоделием. Если можно так назвать набивание мягких игрушек пухом рога. Ни на что другое мои руки негодились.

- Четыре баронства с нашего края, далее по пути от Ольденбурга и до границы с фризами ещё четыре. Четыре пограничных баронства вряд ли присоединятся.

- Почему?

- Наверняка торгуют потихоньку тайком, без вывозной пошлины, без договора о мире.

- Как? Разве до сих пор не было договора? Получается мы в состоянии войны с Фризией? Не понял тогда, какие обозы, какие посольства, невесты?

- Граф поручил мне провести предварительные переговоры, заключить мирный договор. Выезжаю от вас утром. Получу проект договора, инструкции, верительные грамоты, ещё будут три доверенных лица, отряд сопровождения и, через два дня выдвигаемся к границе. Ваше посольство и обоз проедут во Фризию только после заключения мирного договора. А он будет

заклучен. Хотел присутствовать на суде, как представитель интересов своей жены. Защищать её от неприличных вопросов, добиться компенсации. Но не выйдет. Мне тяжело оставлять Кёрстин перед таким испытанием. Она и так ещё не оправилась от пережитого ужаса.

- Пишите доверенность, Орбант. На имя матушки, вдовствующей баронессы фон Мюнн. Как старшая наставница пансиона она имеет право.

- Я поддержу подругу, научу как себя вести, успокою. Не переживайте, господин барон, езжайте со спокойным сердцем, выполняйте важное государственное поручение. У меня есть к вам приватный разговор, если вы закончили.

- Разве я могу отказать прелестной даме?

- Дорогой брат, матушке сообщить нужно, пусть она сама напишет доверенность, у неё каллиграфический почерк.

- Амелинда, я как раз хотел этим заняться, времени мало. Барон утром покидает нас.

Не безнадёжен. Ушел. В гостиной равномерное жужжание прялок, разговоры, смех. Фоновый шум. Барон придвинулся ближе, не нарушая личных границ, аккуратно поправил коричневый дорожный пурпуэн, прежде чем сесть. Этикетчик ты наш. Счас мы этикетки то тебе посываем.

- Я весь внимание, драгоценнейшая Амелинда!

- Барон, Вы брак когда консумировать думаете? Подруга извелась вся!

- Я?...То есть Вы хотите ска...

- Ну не я же! И не я хочу! Вам, как супругам, сегодня во флигеле комнату выделяют. Беспокойной вам ночи, не задерживаю.

Его, вместе с врожденной деликатностью, вдруг угробят на трудном пути к миру, а у меня подруга должна от комплексов остаток жизни страдать?

- Госпожа Амелинда, пожалуйста на примерку! Немного длину осталось отрегулировать.

Я полгода ходила в обносках своего прототипа. Амели` там в новеньких нарядах блистает по моде семнадцатого века, сшитых на денежки, что её брат у нас выцыганил. Мне только первое платье шьют! Куртка зимняя с юбкой не в счёт. Если бы не суд, а затем поездка во Фризию, так бы и ходила в бархатных отрепьях.

У меня теперь почти безупречная фигура. Стройнела я с той же скоростью, как раньше полнела, не теряя объёма в стратегически важных местах. Вес остался почти прежним, потому что мышечная ткань плотнее жировой. Тело собралось, стало более компактным, упругим, сильным. Даже в молодые годы прежде я не была так физически развита. Приятное ощущение совершенства, скоординированной силы. Обязательно тренировками займусь. Только дела разгребу.

За ширмой стоял портновский манекен: плотно набитое сеном чучело, обтянутое скроенной дерюжкой в виде женской фигуры. С него сняли моё котарди, помогли натянуть через голову. Никаких видимых шнуровок, привязанных рукавов. Вытачки! По моде требуется плотное облегание верхней части платья и до середины бедра — футляр, затем расклешение подола. Низкий вырез лифа. Чёрный бархат олицетворял богатство, сам краситель был очень дорогим. В северных регионах, ближе к английскому королевству, это уже был цвет траура, но не только, ещё и строгости, респектабельности. Для роли первой свахи графства — самое то. Наконец, чёрный всегда элегантен и придает изящество его носительнице.

Примерно на такой подставке мне уже приходилось стоять трижды в салоне свадебных платьев. Я в туфлях на каблуках. Именно по ним сейчас подгоняет длину Луиза. Зеркало отразило высокую девушку с параметрами сто на семьдесят на сто. Сантиметров по пять зрительно убрал чёрный цвет.

Загадочности придает чёрный, сплошь кружевной киртл, нашитый на шёлк цвета нюд. На самом деле нижнего платья нет, это всего лишь вставки в боковых разрезах юбки и в широких рукавах котарди, от локтя до среднего пальчика. Шлейф — обязательный элемент парад-

ного платья во всей Европе. Из того же кружева, в виде провокационного турнюра, который складками спускается до пола и тянется на полтора метра. Больше нельзя, ранг не позволяет. Откуда столько чёрного кружева? Рулон оконного тюля из прошлых запасов Эммы и экстракт хвои с железным купоросом нам в помощь! Алхимик — гений! А я красотка!

Парадное котарди, тем более зимнее, часто носят с мехом. Палантин из роскошной чернобурки уже готов. Ида накидывает его себе на плечи, крутится перед зеркалом, притворно вздыхает, девушки принимают её вздохи за чистую зависть. Мех добавил мне цены, не наряду, именно мне. Как это получилось, вне моего понимания. Цвет моей кожи из бледной поганки стал аристократично-белоснежным. Даже белокурые волосы засияли новыми оттенками. Не могу оторваться от зеркала. Кто это там, в глубине отражения, уставился на мой оттурнюренный попец?

Нет, нет и ещё раз нет! Со шкатулкой наперевес приблизился Виктор, я вынуждена повернуться. Его намерения ясны как Божий день. Он пошёл ва-банк! Потому что наедине я бы вежливо отказалась и запихнула ему подарок в задницу. Рыжая зараза! Всё рассчитал, гений анализа, логики и синтеза. Отказать ему при всех равнозначно пощёчине, я не могу унижить человека.

Воспользовался упорными слухами, что он бастард самого правящего герцога Баварского, по совместительству императора.

И тем, что я не в силах отказаться от такой вещи, тоже воспользовался. В открытой им лакированной коробочке на нежно-голубом бархате лежала выкованная черная роза. С коротким заостренным стеблем и черешком, украшенным стразами, точнее, уже бриллиантами. В сердцевине роза была багровой, словно ещё таила жар раскалённого металла. Я смотрела молча и не могла насмотреться.

- К вашему новому котарди кстати будет эта брошь. Вложил всё своё мастерство, душу и сердце. Прошу, примерьте, госпожа баронесса.

Словно во сне тяну руку, захлёбывается кашлем брат, некстати вернувшийся с Эммой и фон Дрезом. Девуцы сужают круг, как волки, почуявшие добычу. Рядом с мехом брошь-роза потеряется. Закрутив косу высоко на темени в пучок, воткнула стебель на манер японских шпилек — палочек для волос. Посмотрела в зеркало. Кармен!

- Ты непревзойденный мастер, нет тебе равных в этом времени. Что хочешь в награду?

- Это подарок. Дайте какой-нибудь пустячок, если желаете.

Если желаете, итить-колотить! А если не желаю? Что бы ни случилось, представление должно продолжаться. В моём кошельке костяной гребень работы неизвестного мастера, с двумя голубками в наверхии. Отдала Виктору. Он целует мне руку. О, Боже! Какой миг! Ради него стоило провалиться в эти средневековые тартарары!

- Ты бы сразу трусами лучше отдалась, сестрица. Тоже символично.

Язвит на русском языке разгневанный Андреас. Умеет мой брат поэтично обгадить момент. Идалия с недоумением смотрит на него, словно говоря: «Ты на такое способен?» Перепалка продолжается на великом и могучем.

- Считал тебя остроумным. А ты просто злоязыкий, Андрей. С хрена ли девчонку обижаешь?

Спасибо, Северин. Подметил верно. Ради красного словца не пожалеет и отца. Я схожу со своего пьедестала, приняв помощь багрового от гнева Вити. Стало видно, насколько я выше, в каблуках — на целую голову. Не вижу, чтобы это его смутило, подмигиваю одобрительно.

- Пожелаю, отдарюсь. Тебя не спрошу.

- Как пожелает госпожа моего сердца, я готов ждать.

Не растерялся, молодчина Виктор, но ответил уже на германском. Полная гостиния народа, из знатных, между прочим, семейств. Девушки, женщины. Сестрёнка. У них на глазах я принимаю подарок и знаки внимания второго мужчины. Прямо чувствую, как в районе

подмышечников подмокает моя репутация. Мне-то фиолетово. Но я их учитель, аристократка, мои поступки должны быть поняты правильно.

- Ты закончила подшивать, Луиза?

- А? Что? Нет, нет ещё. Продолжим?

С возвышения посматриваю на всех. Свысока. Такое положение придаёт словам весомость непреложной истины.

- Каждая уважающая себя благородная девица должна иметь несколько поклонников. Я не могу отказать достойным молодым людям в их желании быть моими рыцарями.

Статус им определила. Рыцарь – не жених. Вечный поклонник. До тех пор, пока стороны не захотят переиначить.

- Тебе, значит, можно! А мне маменька запрещает! Я тоже рыцаря хочу! Хочу быть Прекрасной дамой!

- О! Позвольте служить Вам, дорогая госпожа Верена! Я буду предан Вам до гроба, прекраснейшая Дама!

Дорогая, дорогой. Дорогие оба. Дорогая дорогого довела до гроба. Господи! Какого только мусора нет в голове! Внимание от нас отвлечено, ура.

Кристоф приехал с дядей и преследует малую по пятам. Уже корзинку с рукоделием за ней носит. Весь завитой, напомаженный, в зелёном с серебром костюме в нахальную обтяжку. Стал настырный не в меру. Словно получил поддержку и питает надежду. Эмма хватает обоих за руки, утаскивает в угол гостиной. Надеюсь, не благословлять. Сейчас зима. Боюсь представить, что здесь весной будет.

- Сейчас мой супруг исполнит для благородного общества балладу о любви. Идалия довольно резко подала ему гитару, злится на его грубую выходку. Он, с примирительной улыбкой, берёт инструмент. Впервые замечаю, что музыка и слова этой баллады вполне себе средневековые. Брат прощён, сколько труда, перевод великолепен.

Когда вода всемирного потопа

Вернулась вновь в границы берегов,

Из пены уходящего потока

На берег тихо выбралась любовь

И растворилась в воздухе до срока,

Как печально и жаль, что песня вызывает в моём сердце гораздо больше чувств, чем мужчины, которые на них претендуют.

Гонец привёз повестку на суд. Через три дня нам следует быть в Ольденбурге. Нам это: потерпевшей Кёрстин фон Дрез, её горничной Леанне, тоже потерпевшей, свидетельницам – мне с Вереной; Эмме, как доверенному лицу барона фон Дрез, Куно с Луцем, бывшим наёмникам Бергов, тоже пока свидетели. Микаэль едет как судмедэксперт. Падре Конрада тоже пригласили. В качестве кого, не понятно. Андреас просто нас сопровождает, он не участник.

Мне самое время слинять из замка по уважительной причине: обстановка вокруг моей персоны накалилась. Ощущаю себя грешницей между двух огней. Поведение Гордея более чем нехарактерное для него, он отстранился и страдает, время от времени балуя меня подарками, которые становятся всё богаче. Отрезы тканей расцветки «вырви глаз», шкурки горностая и ласки, благовония...

Про сундучки однозначно не соврали. Не радуют меня подарки, даже Пучеглазка уже не потирает лапки. Гораздо дороже мне его улыбка с наглым прищуром глаз, наклон вечно задранной головы чуть влево. Смешные комплименты и подначки. Улыбки нет, и голова опущена, молчит.

Второй рыцарь, Виктор, напротив, ведёт себя наступательно-нагло. Не имея возможности купить, делает подношения своими руками. Печку-буржуйку сваял для дорожного возка. Ценная вещь. Я с Леа после суда поеду в составе обоза дальше, во Фризию. Пять суток в

пути по морозу. Благодаря Виктору, теперь в тепле. Набралась наглости, потребовала от него «рыцарского подвига» во славу меня, несравненной Дульсины. Он сделал расчёты, сметы по моим строительным объектам: ясли-сад, школа, ремесленное училище. Поцеловала в щёчку. Обиделся. Зато теперь, Алилуйя! Сдала Эмме. Не должница.

Недолгие сборы. Всё отлажено. Набравшиеся опыта горничные знают своё дело. Я бесконечно благодарна девушкам. Они экономят драгоценное время, ничего второпях не забывают, окружают заботой, исполняют функции личного секретаря, не даром едят свой нелёгкий хлеб. Это уже не деревенские простушки, три месяца «дополнительного» образования в классах возле благородных девиц дают результаты.

Отрывочно, без записей, на слух, отвлекаясь на свои обязанности – всё равно достаточно хорошо усваивают материал. Они все уже читают, с разной скоростью, но все! Считают в пределах сотни, пишут печатными буквами. Знают историю, географию, помнят стихи. Знают азы дезинфекции, первой помощи при различных травмах. Много чего знают. Пробелы устраняют, приставая к баронским дочкам. У тех установка на обучение желающих учиться. Им деваться некуда, подтягивают. Семь пар трудолюбивых умных рук значительно облегчают быт.

Выехали на рассвете. Очень зябко, в воздухе стылый туман. Морозные солнечные дни переносятся легче, чем такая хмарь. Руди и его команда заблокировали колёса кареты, на манер калош одели на них полозья. Такой функции у моего «Опея» не было. Впряжена четвёрка коней цугом. Затолкали аж две жаровни. Мы вшестером набились внутрь, еще место для корзинки с перекусом осталось. Неразлучная парочка – Куно и Луц будут по очереди управлять каретой. Микаэль с братом скачут чуть впереди. Скорость развили высокую, примерно тридцать пять километров.

Каждые полчаса лошадей переводят на легкую рысь, это в два раза медленнее. Будет только одна короткая остановка. В город прибудем к обеду. Зимой путь по времени в два раза короче, о комфорте и говорить нечего. Практически как в автомобиле. Любоваться пейзажами не приходится, кругом один белый, слепящий глаза снежный покров.

Посему развлекаемся светской беседой. Тему выбрали нейтральную и всегда популярную. Верования, обряды и обычаи разных стран. Постепенно, аккуратно Эмма переводит стрелки на обязательный обет celibата католических священников. Беседа спланирована заранее, есть ключевые фразы, когда мы передаём слово друг другу. Почва зыбкая, особенно если учесть, что в тёплой компании три незамужних девицы.

- Подскажите, падре, в каких первоисточниках предписывается безбрачие для священнослужителей? В священном писании я нигде не встречала такого требования. Может, я всего не знаю?

- Целибат стал обязательным для священников во время правления Папы Григория седьмого только в одиннадцатом веке. Вы не могли, госпожа Эмма, прочесть это ни в одной святой книге. Такого требования нет.

- Спасибо, что просветили. Значит, это не Божественное уложение, а человеческое?

- Выходит так. В Библии, напротив, сказано: «Плодитесь и размножайтесь».

- Падре Конрад, получается прямое противоречие Святому писанию. Почему так произошло?

- Видимо, госпожа Амелинда, мать наша Святая церковь хотела направить рвение служителей Господа только на путь самоотречения, чтобы семья и связанные с ней мирские заботы не отвлекали от служения.

- Я понимаю монашество, когда человек добровольно отрекается от мира, уходит в монастырь, молитвенным трудом служит Богу и людям. Там нет соблазнов. Не понимаю, для чего отказано священникам, несущим свою службу среди мирян, иметь семью.

- Поддержу свою дочь, падре. Если бы наши пастыри были женаты, они бы лучше понимали проблемы, заботы обычных людей. Соблюдали бы все заветы Господа. Ведь заповедь

«Плодитесь и размножайтесь» очень важная, Богу угодно увеличение числа любящих Его и поклоняющихся Ему. Тогда не грешили бы служители Церкви в мыслях и на деле. Ведь согласитесь, такие случаи хоть редко, но бывают. Дух силен, но плоть слаба. Зачем же тратить силы на борьбу с самим собой, когда их нужно расходовать во Славу Божию?

Падре Конрад не возражал, не соглашался, лишь удрученно вздыхал. На его лице, цветущем молодостью и прыщами, был написан тот же вопрос.

- Разрешите, добавлю. Если бы, к примеру, наш падре был семейным человеком, мне было бы легче исповедоваться. Я решила бы раньше искать защиты у Святой церкви. Я потворствовала своим стыдом и страхом грешникам совершать ещё более страшные дела. Мне тяжело от этой мысли.

- Дочь моя, священник пастырь своего прихода. Он отец духовный, на исповеди человек очищает душу, получает отпущение грехов. Сейчас ты чиста перед Богом. Пройдёт суд, они получают по заслугам. Забудь про ту жизнь, начни с чистого листа с лёгким сердцем и молитвой.

Баронству повезло. Граф сослал к нам «излишне озабоченного» падре. Он раздражал его своим чрезмерным любопытством и опекуном супругов в сексуальной сфере. Однако падре Конрад действительно добрый человек, каким должно быть священнику. Он тяжело переносит целибат, однако соблюдает, причём настолько строго, что Онану, второму сыну Иуды, должно быть стыдно за своё поведение.

В нашем пансионе среди толпы молодых девиц бедному падре вовсе поплохело. Информацией со мной поделился Микаэль, когда к нему обратился за помощью страдалец. Это не нарушение врачебной тайны, требовалась моя консультация. Я посоветовала Микаэлю, кроме соли брома, всё-таки убедить священника практиковать онанизм.

Убедительным аргументом станет понимание, что это будет гораздо меньшим грехом, чем тайно вождель к невинным девам и задавать им провокационные вопросы на исповеди. Неизвестно, воспользовался ли святой отец рекомендацией, однако прыщей на его благочестивой физиономии стало много меньше. Что говорит об уменьшении избытка тестостерона в крови.

Окучивали мы на тему ненужности целибата для приходских священников также господина приора, пока он отбывал карантин в Мюнне. Он, в силу преклонного возраста, был более стойким и находил аргументы в его пользу. Однако на главный вопрос: разве человеческие правила, пусть даже и Папой римским придуманные, выше Божьих заповедей, ответа он не находил.

Отмахивался под благовидным предлогом необходимости работы над редактированием рукописи Микаэля и спешно покидал поле дискуссии. Так зерно сомнений, нет, скорее крупное семечко, мы посеяли. Оно должно было прорасти в будущем государстве в виде отделившейся от римско-католической церкви самостоятельной ветви, по примеру англиканской. В то, что Ватикан смиренно примет наши нововведения во всех сферах средневекового бытия, мы не верили.

Единство политической и религиозной власти даст будущим управленцам невиданные возможности. Относительно мирно этот процесс можно провести только в одном случае: если на сторону отделения встанет большинство приходских священников. Именно они проводники в массы идеологических вопросов. Могут гражданскую войну разжечь, либо могут тихо-мирно помочь молодому государству.

Государство закон издаст: дом хороший, подъёмные, оклад, земля для хозяйства в собственности, целибат отменяется для всех служителей автономной Церкви. Какой дурак будет против своего же счастья? Не желающие – идут лесом. Приход наследуется наиболее достойным сыном либо зятем служащего. Семья священнослужителя оседает на одном месте. Вместо того, чтобы, как военные, мотаться, куда пошлют. Если это работает при трудоустройстве в двадцать первом веке, то должно сработать в четырнадцатом.

- Ах, отец Конрад! Мне так жаль, что у Вас никогда не будет детей! Вы такой хороший падре! Кому как не служителю Божьему дано воспитать человека в почитании и любви к Все-вышнему. Это могли быть самые преданные, самые лучшие слуги Господа!

Забила Верена гвоздь в крышку гроба с надписью «Целибат».

Карета стала постепенно притормаживать. Берёт вправо. Время за разговорами летит незаметно. Уже полпути проехали. Небольшой отдых коням и людям необходим. Нас нагоняют открытые сани, в них сидит закутанная женщина, возница притормаживает, слезает с оханьем и подходит к нам. Это пожилой крестьянин. Он вежливо поклонился, представился жителем Зивера, спросил у Микаэля, можно ли следовать вместе с нами, для безопасности, пока по пути.

- Куда направляешься, уважаемый?

- В Ольденбург, на суд вызвали. Гонец третьего дня был. Говорит, про нашу дочь, пропавшую год назад, спрашивать будут. Мы с женой уже все глаза выплакали, одна она у нас из пяти детей выжила. Думаем, может, она нашлась?

- Нам по пути, присоединяйтесь.

Глава одиннадцатая.

Эмма.

В прошлой жизни мне доводилось участвовать в работе суда. В сорок шесть лет выбрали присяжным заседателем судебного округа Хагген, пять лет участия дали достаточно полное понятие о судебной системе.

Только суд в шестидесятых годах двадцатого века и суд века четырнадцатого – это небо и земля. Но обо всём по порядку. Люблю порядок и систему во всём. Это даёт ясность мысли, помогает управлять своей жизнью, насколько возможно в воле человека.

Мы были приглашены остановиться в замке графа, то есть фактически в доме верховного судьи, никого данное обстоятельство не смутило. После размещения в тех же покоях, где мы были на ассамблее, нас пригласили к ужину. Все приятно беседовали, стараясь не затрагивать тему предстоящего суда, кроме времени и места. Свидетели, потерпевшие, верховный судья граф могли общаться без каких-либо ограничений.

Хозяйка, графиня Ингрид, выглядела плохо. Лицо словно «поплыло», отекло, она ела только фрукты, задавала вопросы невпопад, нарушив этикет, ушла из-за стола. Микаэль извинился, вышел следом.

Прожив в эту эпоху достаточное количество времени, я поняла, что она явно в интересном положении. Разговоры в женской среде всегда обращались к этой деликатной теме, которая здесь выпячивалась так, словно смысл существования женщины заключается только в рождении детей.

Доходило до того, что многие дамы, едва узнав о беременности, начинали носить подушечку на животе. Постепенно этот странный аксессуар начал входить в моду. Семья, общество и закон оберегали женщину в тягости. Графине, наверно, запретят присутствовать в суде.

Процесс был объявлен закрытым по причине государственной тайны. Присутствуют только участники. Суд представлен правителем земель графства, Элимаром Третьим; городским судьёй в должности, называемой бургграф; его заместителем, именуемым шультгейсом; представителем Святой инквизиции, монахом Ордена доминиканцев. Естественно, протоколирует секретарь.

В назначенное время мы уже расположились в приёмной ратуши. Кроме нашей компании присутствовали несколько слуг из замка Берг, двое попутчиков – родители пропавшей девушки. Судебное заседание с их участием будет проходить после нашего. Большой зал ратуши служил для всех заседаний, в том числе судебных.

Меня немного знобило, плохо переносу холод и сильно волнуюсь. Луц молча, без приказа, принёс мой плащ. Кёрстин и я, как представитель по доверенности её защитника-мужа, будем присутствовать в зале от начала до конца. Прочие участники будут вызываться по мере расследования. Совершенно непонятно, разве расследование не завершилось, если назначен суд?

- Госпожа Эдна, следствие по делу проводится в процессе суда. Таков порядок. Уж я знаю, не первый раз в суде.

- Луц, а ты не боишься из свидетеля стать обвиняемым?

- Добрая госпожа, чего мне бояться? За неудачную попытку похищения и кражу меня помиловал по закону сюзерен, я веду семейный образ жизни. Хожу на исповедь. Принёс присягу. Честно говоря, даже когда просто соврать хочу, шея сразу начинает чесаться. Так велико моё желание быть честным человеком.

Амелинда поработала дополнительно с этой упавшей на нас с виселицы криминальной парочкой. Они были исполнителями приказов нанимателя, барона фон Берга, но надо же и

свои мозги иметь! Куно и Луц под её чутким руководством изучали местное законодательное право. Шеи у них не от грязи чесались, от ужаса при мысли, что кто-то может совершить не одобренное законом действо.

Секретарь, приятный пожилой мужчина с безупречными манерами, отворил дверь, пригласил:

- Госпожа баронесса Кёрстин фон Дрез, потерпевшая; госпожа баронесса Эдна фон Мюнних, доверенное лицо, пройдите в зал заседаний. Доверенность не забудьте. Я провожу вас до места. Выказывайте уважение суду, говорите, только когда вас спрашивают. Обращайтесь согласно титула, прежде чем ответить. Приветствуйте суд стоя.

Не лишний инструктаж. В голове у меня стало пусто. Ноги как ватные, да что со мной! Боюсь? Да. Нужно взять себя в руки, следить, чтобы вопросами не обидели, не унизили девочку. Ей сейчас каково? Я взяла ледяную руку баронессы, пожалала:

- Ты под защитой Бога, мужа и закона. Веди себя скромно, но уверенно. Отвечай чётко, коротко. Если что, я подам знак молчать.

Секретарь провёл нас от высокой дубовой двери до мест в центре первого ряда. На невысоком подиуме стоял длинный стол, накрытый зелёной скатертью. Два кувшина с питьём и несколько кубков. Четыре стула с высокой спинкой вдоль длинной стороны и один в торце. Туда направился секретарь.

В отдалении и от нас и от стола массивная балюстрада с перилами, в форме широкой буквы П. На ней висят наручники, точнее сказать ручные кандалы, массивные и ржавые. Глядя на них стало вовсе не по себе.

Через центральную дверь ввели обвиняемых: семью Берг. Глаза всех полыхали ненавистью. У баронессы рот заткнут кляпом. Приковали наручниками к перилам. Они подлежали сословному суду, как знатные люди. Для пособников - слуг и личной охраны судебный процесс будет отдельно, также как и для потерпевших крестьян, потому что для разных сословий законы и наказания отличались.

- Встать, суд идёт!

Если закрыть глаза, словно не переносилась никуда, так знакомо прозвучала фраза. Вошли через малую дверь граф, в строгом, тёмно- синем сюрко, массивной цепью с гербом графства, за ним монах доминиканец, сухощавый мужчина средних лет в рясе. Почти одновременно за ними бургграф, с увесистым томом под мышкой, и шульгейтс, оба в бархатных бордовых сюрко с регалиями. Судебные мантии пока не приняты. Члены суда цепочкой, не спеша, проследовали на места. Мы сделали глубокий, почтительный книксен, опустив глаза долу.

- Можете садиться.

Далее Кёрстин привели к присяге и стали заслушивать её жалобу – обвинение в письменном виде, что позволялось. Девушка готовилась, читала многократно вслух в карете документ.

Но всё равно мне в очередной раз стало плохо, начало звенеть в ушах, не хватало воздуха. После слов истицы: «Каждый раз, во время вырывания маленьких кусочков плоти из различных частей моего тела специальными щипчиками, баронесса Иоганна фон Берг изрыгала проклятия и богохульствовала словами, которые я повторить не могу...», инквизитор сделал стойку. Его ноздри широко и хищно раздувались, он сосредоточенно сдвинул брови, упёрся подбородком в сжатые ладони и уже не спускал глаз с Кёрстин.

Девушка читала, всё выше поднимая лист пергамента, я мягко опустила ей руку. Судьи увидели трясущиеся губы и слёзы, потоком льющиеся из переполненных вновь переживаемым ужасом глаз.

«Мерзостные звуки слов этой женщины так терзали мою душу, что вместе с болью душевной муки телесные становились невыносимы, но я терпела. Ради моих брата и сестры, коих она грозила убить, если я открою всем её истинное лицо».

«Мне неизвестна цель истязаний. Ни в чём не обвиняя, Иоганна фон Берг пытала раз в два – три месяца моё тело, каждый раз изобретая новые методы. К примеру, она калила на огне рыболовные крючки и протыкала ими насквозь мою кожу и мышцы, оставляя надолго в теле и время от времени дёргая.

Перед издевательствами она отдавала меня на поругание своему сыну, моему двоюродному брату, Адольфу фон Берг. Всё происходило в тюремной камере, расположенной в подвале замка. Кровь и нечистоты замывала её личная служанка. Ибо, по словам баронессы, я, как знатная девушка, не должна делать чёрную работу».

Я внимательно следила за выражениями лиц судей. Им претило перечисление издевательств в отношении молодой, ни в чём не виновной девушки, но не удивляло. И не такое в пыточных камерах видели. Однако, описание поиска самых болевых точек на теле с помощью глубоко проникающей, тончайшей раскалённой иглы, не оставляющей следов, заставило вздрогнуть даже этих ко всему привычных мужчин.

Жалоба не была ограничена количеством листов. Кёрстин высказала подозрение, но не обвинение в адрес дяди, барона фон Берг, в убийстве отца на охоте. Для обвинения по закону нужны были два свидетеля, пока имелся только один.

Также прямо обвинила баронессу и барона в желании довести наследника, маленького ребёнка до смерти, путём жестокого обращения. Этому было много свидетелей.

Закончила она фразой: «Неоднократно слышала, как насмеялись над нашим мудрым и справедливым правителем, отказывались от личного участия в защите графства, выставляли самых неопытных и слабых наёмников, отношения к воинскому делу не имеющих, которых по дешёвке нанимали в кабаках. Имея достаточно средств в казне, не платили вовремя военный налог, оттягивая до последнего. Тем самым показывая себя предателями, клятвопреступниками и нарушителями присяги сюзерену».

На несколько секунд воцарилась тишина.

- Садитесь, истица. Суду предъявляются на рассмотрение вещественные доказательства, изъятые из тюремного помещения замка Берг, в ходе предварительного расследования.

Секретарь достал из-под стола завернутую тряпицу, высыпал её содержимое перед судьями. Железяки с характерным грохотом разлетелись по столу. Никто, кроме инквизитора, не стал брать их в руки. Рассматривали внимательно, переговариваясь вполголоса.

Я обняла и накрыла своим плащом плечи Кристи, так мы её звали. Девушку сотрясала крупная нервная дрожь.

- Горжусь твоим мужеством, девочка. Ты очень хорошо справилась!

Раздался тихий, скрипучий голос инквизитора:

- Истица, ответьте на вопрос: применялись ли при насилии обвиняемым Адольфом фон Берг содомитские методы соития?

- Возражаю, ваше сиятельство! Прошу снять вопрос, как слишком травмирующий и унижающий женское достоинство истицы. Я говорю как доверенное лицо, от имени барона Орбанта фон Дрез.

- Настаиваю, ваше сиятельство. Инквизиции необходимо установить меру греховности данного преступления со стороны Адольфа фон Берг.

Кёрстин поднялась, с уважением и вниманием глядя в лицо монаху-доминиканцу, произнесла:

- Я отвечу на ваш вопрос, святой отец, если Вы объясните мне проще, что он означает? Я не поняла.

- Снимаю вопрос. Предлагаю перейти к процедуре освидетельствования потерпевшей. Секретарь, пригласите монахинь. Лекарь и госпожа баронесса пройдите к ширмам. Ваша задача, уважаемая истица, раздеться и предъявить тело на осмотр двум сёстрам-монахиням.

Ваша задача, господин доктор, задавать вопросы сёстрам. Ваша задача, господин секретарь, записывать в протокол как можно точнее.

- Ваше сиятельство, я настаиваю на моём присутствии рядом, как доверенного лица.

- Дозволяю. Где же монахини? Почему такая задержка?

Ширма стояла в самом дальнем углу зала у окна. К нему был приставлен стол со стулом. Зал был протоплен, но было весьма прохладно. Я помогла Кристи раздеться, она стояла в одной камизе, с воротом под горло и длинным рукавом. Микаэль остался за ширмой снаружи. Зашли две монашки, молодая и старая, они несли таз, кувшин с водой, мыло, простыни и полотенце. Я обратилась к ним:

- Дорогие мои сёстры во Христе, прошу вас быть максимально деликатными. Эта молодая, ни в чём не повинная женщина, при жизни испытала адские муки. Исполните свой долг с любовью к ближнему, сёстры, я вознагражу вас за труд.

Кристина сняла через голову камизу.

- Господи Иисусе!!! Враз закричали обе сестры.

Впервые увидела обнажённое тело Кристи. Вот почему она мылась последняя, одна и запиралась. Упала в обморок, неожиданно даже для себя. Брызги воды привели меня в чувство. На подгибающихся ногах, под руку с Микаэлем, дошла до своего места. Работа судмедэкспертизы четырнадцатого века началась. Звучали в отдалении голоса доктора, монахинь, пере-спросы секретаря. Осмотр и подсчёт всех повреждений с подробным описанием занял много времени.

Для меня оно словно остановилось. Перед глазами стояла чудовищная картина: тело хрупкой девушки, сплошь покрытое шрамами, рывтинами от вырванной плоти, рубчиками от крючьев, мелкими ожогами и клеймами. Разной степени заживления.

Все они не выходили за границу видимости одежды. Руки, плечи, шея до груди были чисты и резко контрастировали своей нежностью с остальной кожей, похожей на чешую ящерицы.

Наконец из-за ширмы вышли монашки, молодая открыто плакала, утирая лицо полотенцем. Старшая, словно мумия, держала лицо, но голос предательски дрожал, когда она произнесла:

- В заключение могу сказать, что обследованная женщина на данный момент почти здорова. Она в состоянии зачать, выносить и родить дитя, если будет на то воля Божья.

Реакция сестёр-монахинь оказала влияние на суд. Мужчины запереглядывались. Монахиня постарше поклонилась и ушла. Молодая осталась помочь одеться Кристи, она долго возилась, одевшись до конца, вышла из-за ширмы. Лицо её было пунцовым. Она медленно подошла, села рядом.

- Я настолько уродлива, что никто не может сдержать отвращения?

- Дело не в этом, Кристи. Просто глядя на тебя, я и сёстры представили твою боль, не выдержали вида следов мучений. Это поправимо, доктор обещал свести тебе шрамы, потолстеешь после родов, ямки не заметны будут. Врала напропалую, чтобы сгладить остроту момента.

- Переходим к выслушиванию обвиняемых. Секретарь, пригласите палача.

Я подскочила:

- Зачем палача? Мы не согласны смотреть на пытки, моя подзащитная и так...

Тресь!!! Буммм!!! Молотком по железяке вдарил бургграф, он же городской судья. Звук долго носился по пространству и звенел в ушах.

- Сядьте, баронесса! Не перебивайте судебную процедуру, если не разбираетесь.

Вошёл мужчина средних габаритов в тёмно-коричневой котте, в кожаной маске, надетой на верхнюю половину головы. Видны только волосатые ноздри и полные губы снизу, да блеск глаз в прорезях. Он встал возле обвиняемых. Мужчины инстинктивно отодвинулись, а баронесса не среагировала никак.

- Баронесса Иоганна фон Берг, принесите присягу суду говорить правду, только правду и ничего кроме правды.

Судья кивнул палачу, тот вынул ей кляп. Несколько раз отплевавшись и набрав воздуха, благородная дама изрыгнула непристойности в адрес суда, истицы и всех присутствующих. Это слушалось весьма странно, потому что перед судом её внешний вид привели в порядок. Судья отвёл ей время высказаться ровно столько, сколько нужно для принесения присяги. После чего ей снова заткнули рот.

- Обвиняемая, признаёте ли Вы свою вину? Если да, в чём она заключается? Если нет, каковы Ваши оправдания?

Палач снова вынул кляп. Для разнообразия баронесса всех прокляла самым изощрённым образом. Очень богат был старогерманский язык в этом отношении. Её снова выключили, чтобы задать очередной вопрос:

- Вы узнаете эти предметы? Что это? Для чего предназначено?

Наконец вид любимых инструментов привёл обвиняемую в некое подобие чувства. Она долго, в мельчайших подробностях объясняла назначение предмета, способы его применения, на ком их осуществляла.

Сам рассказ пробудил в ней воспоминания, она явно испытывала чувство экстатического наслаждения, голос её то нежно дрожал, то срывался на визг. Глаза возбуждённо сверкали, грудь вздымалась от бурного дыхания. Жутко.

Информация лилась потоком. Судьи взирали в изумлении. Не часто встретишь обвиняемого так честно самого себя обвиняющего. Помимо Кёрстин, она пыталась простых девушек. В отличие от неё, три крестьянки были запытаны до смерти.

Когда эта сумасшедшая начала с удовольствием, смакуя подробности, повествовать об их мучениях, с ней случился оргазмический приступ, она корчилась и завывала, совершая непристойные телодвижения. Муж и сын в ужасе отшатнулись в сторону, насколько им позволяла длина кандалов.

- Для чего Вы делали это, помимо собственного удовольствия? Есть другая причина?

Вежливо – вкрадчиво подал впервые голос шультгейс:

– Ну же, отвечайте, для чего?

- Да чтоб гореть им всем в Аду, дьявол их поberi!!!

Проорала очередное проклятие Иоганна.

- Вы признаёте, что приносили человеческие тела и души в жертву нечистому?

Проблеск сознания в глазах баронессы, она резко замолчала. Секретарь вспотел в холодном зале, промокнул большим платком лысину, стопка исписанного дорогого пергамента росла. Довольный инквизитор с благодарностью кивнул шультгейсу. Добровольное признание очень ценилось святой инквизицией. Тем более, его всегда можно добиться повторно под пытками.

- Мы обсудим этот вопрос более детально позже. В допросной. Без присутствия дам.

- Суд продолжится после перерыва.

Обычное дело. Все устали. Обвиняемые под присмотром палача остались в зале. Мы с Кристи вывалились из этого морока. Я передала девочку под опеку Амелинды, сама подошла к монахиням, они ждали транспорт.

- Возьмите, сёстры, плату за труд и деликатность. Спаси вас Господь за слёзы и сочувствие, которое вы проявили к несчастной. Вас предупредили о молчании? Это всего лишь малый эпизод. Далее речь пойдёт о государственной измене, требуется абсолютное соблюдение тайны.

- Там, где наша святая инквизиция ведёт расследование, лучше забыть даже своё имя.

- Я рада, что мы поняли друг друга.

Линда поработала с Кристи. Она почти успокоилась. Девушке нужны силы, сейчас будут разбирать её подозрения об убийстве отца и намерение довести наследника до смерти плохим содержанием и жестоким обращением.

Однако дело застопорилось. Отец и сын не были столь словоохотливы, как свихнувшаяся баронесса. Они выказывали всяческое уважение суду, клялись, божились, валили всю вину на неё.

Якобы жёнушка отдавала приказы наёмникам, платила им большие деньги за похищение девиц. Про пытки ничего не знали, часто уезжали по делам из дома. Про насилие сестра оговаривает нарочно, из мести. Думает, мы виновны в смерти её отца.

А мы нежно любили покойного брата и дядю, что упал на охоте в ловчую яму. Дырок на теле много – так кольев вбито было в яме несколько. Кинжальный удар? Может, когда падал, на свой напоролся? Свидетель егеря? Пьяница, картёжник, бездельник, за деньги что угодно подтвердит.

Посекли немного розгой наследника за воровство, непослушание, так это разве грех? Это воспитание. Не топлено? Где не топлено? В детской? Так, наверно, жена приказала, я в детскую никогда не захожу. Слуги наговаривают, кому высокий суд поверит: грязной черни или мне, аристократу в седьмом поколении.

Девушки из простонародья? Появлялись новенькие в услужении баронессы. Да, забавлялся сын, в молодости с кем не бывает? По доброй воле, сын красавчик, денег девкам не жалел. Я сам? Упаси Боже! Вы жену мою видите? Изменять такой женщине – жизнью рисковать.

Куда девки девались? Мне почём знать, пришли – ушли. Почему покрывал её преступления? Говорю же, не знал. Через наёмников она действовала, через слуг доверенных. Всех деньгами подкупала. Я супругу в средствах не ограничивал. Каюсь, зря.

В такой манере, как ужи на сковородке, они крутились до конца допроса. Амелинда, Верена и Леа, вызванные свидетельницами, косвенно подтвердили их непричастность. Фон Берг лично девиц не похищал. Его сын тоже. Это делал наёмник. По приметам понятно, который покинул замок сразу, как сменилась власть.

Бургграф, посовещавшись, объявил сегодняшнее заседание оконченным. Завтра оно продолжится в узком составе. Послезавтра нас пригласят вновь.

Глава двенадцатая.

Амелинда.

Мелькают за окном унылые однообразные пейзажи: голые кустарники, речушки, скованные льдом, редкие перелески. Холмистая равнина и снег, снег, снег... Огромные безлюдные пространства. В Европе, где в будущем будет заканчиваться один населённый пункт и начинаться другой, сейчас малоллюдно. Редкие деревушки, ещё более редкие городки. Трактиры на расстоянии дневного конного пути.

Недалеко от трактира всегда есть деревня. Это наше спасение. Ночлег в тепле для людей. Днём мы делаем большой привал один раз, костры нужны для приготовления горячего и для углей в жаровни. От каждого баронства едет один санный возок, в нём везут продпаёк, воду, по очереди меняясь с верховыми, согреваются возницы.

Обозный поезд огромен, занимает примерно километр тракта. В самом начале было сорок две телеги. Наши, из Хаггена, Берга и Зивера. Фон Зиверс благосклонно отнёсся к идее совместного торгового каравана. От них было двенадцать полных саней муки. Целое состояние по нынешним временам. Богатое баронство. Постепенно вливались обозы из других баронств, мимо которых мы проезжали.

Как? Как местные управленцы умудряются так подогнать место и время встречи, без сотовых телефонов? Мы никого не ждали дольше часа.

В итоге торгово-посольский караван насчитывает семьдесят шесть саней, но возниц в два раза меньше. Сани с прицепом! Сцепка через длинную прочную жердину с отверстиями, сыромятные ремни крепят её между санями.

В передние впряжена пара лошадей, бегут лёгкой рысью, скорость по наезженному снегу весьма приличная. Вот сейчас я поняла разницу между зимней дорогой и другими сезонами. Не трясёт! Нет пыли, грязи! Скорость выше. Лошади меньше устают.

Зимой на санях в парной упряжке по хорошо накатанной дороге можно перевозить тонну – полторы груза. Ехать рысью со скоростью 15 – 20 километров в час, то есть примерно в четыре раза быстрее, чем пешему.

Основная часть охраны едет в санях. Это тридцать восемь возниц. Они не крестьяне – воины. Так бароны уговорились между собой, с подачи Андреаса, для сокращения дорожных расходов. Обоз сопровождает конный разъезд, восемь всадников. По итогу охрана составляет сорок шесть опытных ветеранов. Вполне приличное количество.

Проездные пошлины пока не взимаются, не с самих же себя пошлину брать. Как дела будут обстоять у фризов, пока не знаем.

Мы с дядей Вальдемаром, моей горничной Леа, удобно расположились в нашем зимнем возке, тоже с прицепом. Водитель кобылы, точнее двух кобыл, у нас Ратибор.

Ещё четыре сцепки ведут Руди, Луц, Куно и Усад. Для Куно и Луца это решающая проверка, прежде чем их примет в свою десятку Гордей. Воислав скачет где-то впереди, иногда показываясь рядом. Дозор проверяет путь на пару тройку километров вперёд.

Управляет всей этой движущейся компанией старший воинского обоза из баронства Дрез. Людвиг в войну отвечал за подвоз провианта в армию. От него зависит, где мы остановимся, сколько будем отдыхать, смена караулов, забота о заболевших, нормы питания людям и лошадям. Важный человек.

Я уже подмазала связи, дала ему в пользование рупор, именуемый в народе матюгальник, кованный из тонкого листа металла, с деревянным мундштуком, незаменимая вещь в походе.

Два моих персональных «рыцаря» мерялись подарками, а я не упускала момент приобрести нужные в хозяйстве вещи. Сколько ухищрений пришлось приложить, чтобы оставить

их дома! Оказывается, без них баронство Мюнн моментально развалится. У меня прорезался талант к интригам.

Первая сваха графства – должность высокая и важная, некогда мне тратить время на их разборки, обиды, условия. Уже пытались оба навязать мне какие-то обязательства. На что получили ответ: «Кому не нравится, может выйти». Вот я снова свободная женщина, еду вдаль светлую, везу портреты, описания, характеристики, брачные договора, анкеты...

Все браки в знатных, состоятельных семействах заключались только с участием свахи. Церковь и государство высоко ценили это занятие в Средние века, оно считалось престижной женской профессией.

Самым главным являлось умение взаимовыгодно объединить капиталы двух семей для процветания будущего потомства и усиления влияния рода. Взаимная приязнь сторон была делом не обязательным, но желательным. Если при всём прочем сваха умела учесть и этот аспект, она считалась виртуозом брачного фронта.

Заключение брака могло помочь спастись семье от разорения, приумножить капитал или прибавить к деньгам дворянский титул. Свахам были открыты все дома, крепости, замки и королевские дворцы.

Куда там жёлтой прессе до опытной свахи с многочисленными связями. Она знала всё и обо всех, для неё не существовало тайн. Слухи, сплетни, правда либо вымысел, любая информация, какую хотите услышать.

Их приглашали на семейные ужины, чтобы выведать подноготную соседей. На банкеты, чтобы собрать аншлаг гостей, продемонстрировать входящие в брачный возраст экземпляры отпрысков. Ссориться со свахой было себе дороже. Их побаивались.

Если на Руси все этапы сватовства от подбора до сговора вела одна женщина, то в Европе существовало два вида этой профессии. Свахи первого занимались поиском подходящей партии. Я отношусь к этой категории.

Если достигалась договорённость, кандидатуры всех устраивали, родственники с двух сторон давали согласие на брак, то начинала работать вторая сваха. Её делом был торг.

Она вела переговоры о приданом и условиях содержания будущей жены. Вплоть до определения свадебных подарков и вдовьей доли супруги. Так что я – важная персона. В сложившейся политической и экономической ситуации ещё и голубь мира.

Голубям тоже иногда поклевать надо, сухпай в корзинке есть, отвар из сухофруктов на предыдущей стоянке в термосе заварила, тёпленький пока. Пора бы посущественнее перекусить, ножки размять, горшок, в конце концов, опорожнить.

Людвиг давно не слышно, время к полудню. Наконец-то остановка. Сани подтягиваются, убавляя интервал. Мы с Леа и Вальдемаром пока сидим в возке, ждём команды на выход от Ратибора. Суеты без нас хватает.

Леа – горничная Кристи. Илма упёрлась-таки, неугодна невестка. Порченная. Гансик слишком молод, что он понимает? Можете приказать, конечно, куда мы денемся... Тьфу, стерва. Что в ней красавчик Бер нашёл? Разве только доступность. Со мной пока Леа, девушка ловкая, многое уже умеет, учится.

На тракте через равные промежутки пути есть утопанные поляны на обочине, костровища, место стоянки предыдущих путешественников. Через четверть часа мы подходим к уже разгоревшемуся костру, торф с углём везут в передних санках.

На каждой полудневной стоянке я в приказном порядке всех шестерых своих орлов заставляла лезть в освободившийся возок, снять там обувь, балаклаву и верхнюю одежду. Температура была плюсовая, может, плюс десять. Час тёплым воздухом подышать, в тепле поесть. Походной мини-буржуйкой Виктор почти покорила мою Пучеглазку.

- Эй, неженки, сопли не растаяли? Засопливите мамочке своей весь возок!

- Завидуйте молча! Мы сейчас ещё поспать в тепле успеем.

И ведь успевали! Плотнo прижавшись друг к другу, откидывали головы к стенке и давали храпака минут тридцать. Мы разминались, гуляли, дышали морозным воздухом, не брезговали горячим воинским кулешом.

Дядя вёл себя как мальчик лет семи-восьми, бегал, совал прутики в костёр, надоедал вопросами взрослым дядям. Его немецкий едва понимали, да что с убогого взять.

Леа и я принимали заказы на буржуйки и балаклавы с перчатками, шерстяные носки, валенки, бурки. Глаз у воинов приметливый, все полезные вещи у наших рассмотрели, померили.

На следующую ярмарку со всех баронств пригласили гостей с товаром да с деньгами.

Ротация. Снова плавно и быстро, как две рыбки, скользят полозья, можно даже по очереди прилечь, вытянуться во всю длину лавки. Подумать о своём, о женском. Уложить инфу по файлам.

Барон Орбант фон Дрез отбыл в Ольденбург после обеда. Не с утра, как тут принято. Проспал, бедняга. Я лично предупредила всех могущих потревожить покой молодожёнов слуг, родственников, что не нужно этого делать.

Андрей с Идой тихонько ушли утром из флигеля, в том отдалённом конце двора обычно тихо. Когда парочка супругов появилась в замке к семейному обеду, у Кристи было смущённое, а у барона возмущённое лицо.

- Почему меня никто не разбудил?

- А Вы что, барон, спали!?

Мой голос был преисполнен смесью второго смысла, ехидства и сарказма. Однако глава средневековой дипломатии был мужик не промах.

- Желаю Вам, милейшая госпожа Амелинда, в ближайшее время так же хорошо выспаться, как мы!

Это он о чём? Меня уели или добра пожелали? Мы славно, весело отобедали и проводили фон Дреза с Кристофом в Ольденбург. Эмма в роли матушки сумасбродной девицы немного вздохнула. Кроме неё никто не желал пасти эту сладкую парочку, а она с ног сбилась их караулить.

Пока ждали «повестку» в суд, занимались подготовкой обоза к отправке. Августа с каптёром Глушилой устроили смотр экипировки: одежды и оружия. Если к оружию вопросов не было, то зимнее обмундирование наёмников Августу с Эммой не устроило.

По итогу каждый приобрёл две пары вязаных чулок, балаклаву, перчатки с откидными пальцами, длинный свитер с высоким горлом. В общем, мошну им девчонки из кружка вязальщиц потрясли знатно. В деревне заняли валенки, валять было некогда. Даже лошади обзавелись новыми стёгаными попонами.

Дальняя дорога по морозу — это вам не в киоск за сигаретами в шлёпках сбегать. Верена приготовила травы, мази, перевязочный материал на все случаи: болезни, ранения. Я предложила фанерный чемодан для упаковки. Отличная походная аптечка. Прямо представила гаишника с требованием: «аптечку покажите!»

Продукты на продажу собирали трудно. Сева причитал над каждым мешком и головкой сыра. С трудом расстался с пятью мешками отборного посевного зерна и вообще всячески вставлял палки в колёса. Наконец барону надоело нытьё нашего мастера сельского хозяйства.

- Север, прекрати саботаж! Ты сам говорил: «соль нужна, соли мало»!

- Кто её тратил направо налево? Крестьянам раздавали. Продавать приказал, чтобы потом её снова покупать?

- Сглупил по первости, не сориентировался в реалиях. Зато сейчас сможем задёшево купить; во Фризии цены на продовольствие подскочили, а за солью никто не приезжает, торговые пути перекрыты.

- Я не понял, ты сейчас признал, что был неправ? Как бы в январе грозы не случилось.

- Это та часть меня признала, что от тебя досталась. Ты же покладистый.

После двойной донорской порции крови от Севера к Андреасу отношения между ними наладились. Странно было бы насмешничать над человеком, который спас тебе жизнь. Если по дурной привычке иногда срывалось не к месту обидное слово, брат извинялся.

Одним острым углом в нашей компании попаданцев стало меньше. Но приступов ревности к Идалии у брата это не касалось, тут он проявлял себя во всей красе!

Мои воспоминания неожиданно прервались резким подпрыгиванием возка, словно мы наехали на человека. Вот опять!

Куно сейчас «за рулём», не чувствует что ли? А, нет, плавно тормозит. Я высовываюсь наружу:

- Куно, что там такое? Мы кого-то переехали?

- Госпожа, мешки с передних саней падают! Два нашёл.

- Зови верхового, быстрее, отстанем!

Куно берет длинный шест с оранжево-коричневой тряпкой, машет и кричит. Сзади подбегает Рудольф:

- Что стряслось, почему встали? Мешки чьи? Хаггенцы напортачили? Что с возу упало, то пропало, давайте себе заберём.

- Ещё чего, у них половина вывалится, а мои лошадки надрываись? Хей-хей! Кто там есть!!! К нам, к нам!!!

Пока уладили дорожный инцидент, минут двадцать прошло. Нужно нагонять. Втопили. Бедные лошадки. Кормят их три раза. Овсом утром и вечером. Сеном на дневной стоянке. Поят только чуть тёплой водой два раза.

Мерило богатства, развития, снабжения, сытости любого хозяйства здесь — лошадь. Она двигатель средневекового прогресса. Одна из важных составляющих на пути к нашей цели. Нам нужны сильные, крупные, выносливые лошади универсального назначения. Много лошадей. Нам нужны фризy.

Прекрасные и величественные на вид, фризские кони считаются одной из самых добрых пород в мире. История породы насчитывает более тысячи лет! Чем они только не занимались! Рыцарей катали, в сражениях участвовали, тяжести возили, королевские кареты, плуг по полю тянули.

В моей современности их используют для иппотерапии, снимают в кино, они украшение цирковых программ. Богатенькие буратины содержат в частных конюшнях. Лошадиная работа тоже перепадает. Фермеры любят их не только за красоту. Сила, выносливость, неприхотливость, крепкая стать и здоровье — визитная карточка фриза.

Цена на чистопородного молодого жеребца или племенную кобылку идёт от шести до одиннадцати миллионов рублей. В будущем, конечно.

Впрочем, простые рабочие лошади этой породы тоже недешёвы. Сколько за них запросят во Фризии, да и согласятся ли продать в принципе?

Глава тринадцатая.

Линда.

Дорожный переполох сбил меня с воспоминаний. И где я поставила на паузу? Ага. Кони фризской породы. Север умолял их добыть любыми путями. Особенно кобыл.

За день до отъезда Север постучал ко мне:

- Линда, ты говорила, если что – обращайтесь... Есть время?

- Для хорошего человека времени не жалко, проходи, дорогой, пациентом будешь.

У меня в комнате рядом с тёплой стеной стоял стол и два кресла. Этот уголок был моим кабинетом. В вазочке печеньки, в термосе напиток. Я после ужина всегда наливала его: либо себе пригодится, либо очередной гость в волнении душевном выхлебает.

- Сам расскажешь или попытаться?

- Не думал, что будет так тяжело решиться поднимать эту муть со дна. Избавиться мне от неё нужно. Жить мешает.

- Выкладывай.

Начал Север издавна, аж с прабабушки. С очень дорогого для него человека. Торопить, перебивать разговарившегося пациента нельзя. Это подорвёт доверие, и можно ошибиться с диагностикой. Сама возможность сказать о наболевшем целебна для души.

Его дед был наполовину немец, наполовину чуваш, сын офицера и его «трофейной» жены, чистокровной немки. Она доводилась Северу прабабушкой. Жила интернациональная семья в деревне Ельниково, где в шестидесятых годах будут строить Новочебоксарск, работали, двух детей растили.

Закончил сын институт в Чебоксарах, вместе с дипломом инженера привёз молодую супругу: белокожую, русоволосую, синеглазку, с нежным румянцем во всю щеку. Бабушка будущая Северина. Нрав у молодой жены был весёлый, лёгкий, игривый.

Трудолюбие в крови – деревенская, родителей мужа почитает, по дому хлопочет. Готовит вкусно, на повара выучилась в ПТУ. Вроде прижилась. Ждали место в семейном общежитии от завода. Довольный супруг отбыл на работу в город, по специальности, наезжал пару раз в месяц. Стол к его приезду накрывали, вся семья собиралась.

Заметили родители – молодая жена в питье спиртного от мужчин не отстаёт, пока нальют, не ждёт. Тосты говорит замечательные – грех не выпить. Ежевечерне с рюмочкой к свёкру подсаживается, когда он за ужином свои фронтальные сто грамм наливает.

На замечания свекрови реагирует резко и болезненно: «Мужа рядом нет, скучно, себя соблюдаю, работаю как лошадь, что Вам жалко снохе с устатку налить? Я свою норму знаю!» Мужу жаловалась, что свекровь воспитывает, заедает, а ей приходится всю семью обслуживать.

Общежитие в городе наконец дали. Жена устроилась по специальности – поваром в столовую завода. Муж, помня жалобы матери, пристрастие жены к спиртному пресёк жёстко, контролируя её дома и на работе. Тем более, что супруга уже ждала их первенца.

Веселушка, хохотушка сама подала на развод спустя несколько месяцев трезвой жизни. От примирения отказалась. С мужем расставалась громко. Приехавшим мирить детей свёкру со свекровью тоже устроила жуткий скандал:

- Рожу, на алименты подам! А вас чтоб и духу не было, к ребёнку не подпущу! Чтоб не знал мой малыш, что в родне у него фашистское отродье! Ишь, порядки свои на советской земле завела, то нельзя, это нельзя! Ты, гадина немецкая, умрёшь на чужой земле, и тебя съедят свиньи! Горящие поленья вам на голову! Я будущая мать! Я проклинаю вас на своей материнской груди!

Это были сильные чувашские проклятия. Просто так, со зла их не использовал народ. Свекровь схватилась за сердце. Свёкр, несмотря на беременность, крепко взял визжащую бывшую невестку за плечо, выволок на глазах любопытствующих соседей по общаге за проходную, пнул под зад, легонько. Но обидно. Уехала домой, к родителям, в родную, вечно пьяную Чесноковку. Колхозу всегда нужны рабочие руки. Увезла с собой много нарядов, украшений и дитя под сердцем.

Мама Севы вскорости родилась уже здесь, в крепко пьющей, но работающей семье. В деревне пьянствовали все поголовно. Гнали бражку, самогон и пили смертным поем. Торговали самогоном, рассчитывались за работу самогоном, меняли на самогон, изобретали рецепты. Любой разговор сворачивался к теме выпивки. Замерзали в трёх шагах от крылечка, тонули спяну в мелководной речке. Несчастные случаи, аварии, пожары, драки со смертельным исходом.

Полдеревни хронических алкоголиков, подростки – начинающие. Да что подростки! Даже малышам на семейных застольях домашнее пиво наливали, чтобы крепче спали. Вся семья, кроме матери Севера, угорела насмерть, так и не поняв, почему стало плохо от любимого поила. Девушка-подросток в это время не ночевала дома.

Север родился у шестнадцатилетней девушки, над которой взял опеку родной дядя. За опеку деньги получать он не забывал. Про девчонку с младенцем вспоминал, когда нужно подложить её было за бутылку самогона или водки под страждущего любви односельчанина.

Внучка и дочь алкоголиков умудрилась родить здорового ребёнка от приехавшего на картошку студента. Это был последний заезд студенческого десанта из института перед развалом колхоза. Сама, видимо, ещё не настолько спилась, не успела по возрасту. В небольшой деревне было несколько полных идиотов, много дураков и полудурков. Все дети пьяного зачатия.

Себя Север помнил лет с четырёх. Постоянный голод. Из продуктов в доме был сахар, чтобы ставить брагу, и чёрствый хлеб, и то не всегда. Даже картошки не было, весь огород и двор давно заросли бурьяном, развалилась сараюшка, где раньше хрюкала, мекала и кудахтала живность. Бывало, добрые люди, соседи, тоже алкаши, но ещё не так опустившиеся, давали крупу, картошку, старую одежду, обувь для ребёнка. Иногда приходил то один, то другой дяденька с гостинцами, то есть закуской. Малышу перепадала колбаса, консервы, сало и солёная рыба с хлебом.

Потом дяденька в темноте что-то делал с мамой, раздавались странные, жуткие звуки, проснувшегося малышу было непонятно и страшно. Иногда маму сильно били, тогда он прятался, крепко зажмуривал глаза, закрывал уши ладошками.

Худой, глазастый мальчик к шести годам повзрослел. Он понял связь между питьём самогона и скотским состоянием матери. Пытался бороться изо всех своих маленьких силёнок с непобедимым зелёным змием. Умолял и плакал, плохо выговаривая слова, тайком выливал брагу, бутылки с самогоном. Пытался выгнать собутыльников. Был нещадно, неоднократно за то бит. Государству не было дела до беды своего несовершеннолетнего гражданина, оно само деградировало и разваливалось.

Молодая женщина в двадцать два года стала уродливой: с опухшей рожей, с вечно подбитыми красными глазами-щёлочками, выбитыми зубами, сломанным носом. Немытая и нечёсаная, исхудавшая, в грязных обноски – она больше не пользовалась спросом у мало-мальски похожих на людей мужчин.

Её использовали опустившиеся алкаши из местных. Согласия не требовалось. Пьяная баба своей манде не хозяйка. Мальчик стал свидетелем совершенно непотребных сцен, никого не волновало его присутствие. Вместо прежнего страха и жалости к матери он стал испытывать жгучий стыд, ненависть к ней и отвращение к происходящему. В промежутках между попойками у неё начались приступы белой горячки. Она кричала ужасные вещи и пугала ребёнка до немоты.

Когда её посиневшую и хрипящую достали из оборвавшейся петли, ребёнок рыдал так, что собралась небольшая толпа. Приехала скорая, милиция. Увезли несостоявшуюся самоубийцу в психдиспансер. Мальчик всё рыдал.

— Ишь, как дитя убивается. Какая бы ни была, а мать!

Сердобольная соседка, начинающая алкоголичка, забрала на время Севу. Она не догадывалась: плачет ребёнок потому, что мать осталась жива. К этому моменту своей короткой жизни сын желал её смерти. Что-то сломалось в сознании и душе ребёнка.

Почему Ба приехала на следующий день? Как услышала безмолвный, беспомощный крик в пространство? Она сама не понимала, с чего вдруг её потянуло хотя бы посмотреть на взрослую внучку. Адрес был на корешках квитанций об алиментах. Собрав немудрящие домашние гостинцы, тронулась в путь, даже не представляя, что её ожидает.

Мальчик Сева, истощённый физически и морально, худой до синевы под глазами, с торчащими, как крылышки у воробья, лопатками, спал на продавленном диване в чужом доме. Он никогда не ел горячего супа с мясом, котлет и обычного компота. Наевшись так, что круглое пузико выпирало из-под обтянутых кожей рёбер, он спал почти сутки. Проснулся в туалет и замер...

Так на него никто и никогда не смотрел.

- Ти то?

- Твоя бабушка. Прабабушка. Я приехала к тебе. За тобой.

- Моя Ба? За мной? Я еду с тобой, да? Е- е-дю?

Он предпочёл позорно описаться, но не разомкнул объятий.

Бабушка нашла свидетельство о рождении в помойке, чем-то напоминающей дом. Купила внуку в сельпо великоватый спортивный костюм и кеды, привезённые продукты отдала доброй соседке, там они до отъезда поели пару раз, заночевали и наутро пошли к остановке автобуса. На гвозде в стене кухни осталась записка: «Сева у меня, бабушка».

Она там так и висела, спустя полгода, когда неопишимо безобразный труп её внучки прямо в одеяле увезли сразу на кладбище, в безымянную могилу с номером. Поскольку причина смерти была ясна, как морозный сорокаградусный день. Замёрзла насмерть в собственном логове. Как никому не нужная собака. От некогда большой, работающей семьи никого не осталось.

Север составлял картину своего детства, если можно его так назвать, по рассказам Ба, свидетельствам соседей, своим воспоминаниям. Перед армией он приехал в Чесноковку, поговорил с несколькими почти трезвыми людьми.

Добрая соседка доживала последние дни в райбольнице — цирроз. Она многое поведала юноше. Деревня вымирала. Посмотрел на сгоревший остов дома. Пожелал сгореть всем остальным, чтобы следа не осталось от змеиного гнезда. Сменил имя на похожее, а фамилию, отчество взял по прадеду. Ба обрадовалась, ей было приятно.

Худошавая, трудолюбивая женщина, когда она забирала правнука, ей было семьдесят три года. Пережила мужа фронтовика, сын, инженер, погиб в Чернобыле. Она всю жизнь была домохозяйкой, вырастила прекрасный сад, содержала большой огород, птичник, коз. Почти всё на столе было из своего хозяйства. Мальчику просто ничего не оставалось делать, как полюбить то, что любила делать его Ба. Терпеливо и мудро, своим примером она учила его древнему ремеслу земледельца. Зёрна падали в благодатную почву.

Попав в хорошие условия, молодой организм начал навёрстывать упущенное. Потенциал, природный генотип постепенно проявлял себя. Сева отъелся, окреп и стал расти в год по восемь – десять сантиметров. На второй год, когда правнуку исполнилось семь лет, он хорошо говорил благодаря ежедневным занятиям с логопедом в садике.

Дома Ба говорила с ним только на немецком языке. Мимика, жесты, интонация, тыканье в предметы, повтор за повтором, ситуация, контекст — языковая среда состояла из одного человека. Но какой это был человек!

Правнука в школу она отдала только в восемь лет. Окраины Новочебоксарска уже подходили к деревеньке Ельниково. Ба определила правнука в лучшую школу, затем в открывшуюся художку. Опекунский совет постепенно отстал от маленькой семьи. Пенсия вдовы ветерана позволяла жить ни в чём не нуждаясь двум не особо притязательным людям.

В подростковом возрасте Сева впервые услышал мощный зов природы и ужаснулся. Он такой же скот, как те, что приходили к матери. Его отношение к плотской любви опошлено хорошо сохранившимися воспоминаниями изуродованного детства. Он стыдится таких отношений, избегает. Сейчас понимает, что это неправильно, противоестественно, но поделаться ничем пока с собой не может. Девственник.

- Хрен знает, что делать? Прямо хоть в монастырь иди, другого выхода не вижу. Здесь это нормальный выход. Но надо развивать наше государство, я ведь сюда не свои комплексы попал разгребать.

- Одно другому не мешает, Север. Будем работать. Начнём с прощения матери, раз отца ты не знаешь. Его позже простим. Девственность замучила. Хочется живого общения, но противно. Ненавидишь сам себя. Узелок проблем завязан туго. Северин, я горжусь знакомством с таким человеком, как ты. На редкость сильная психика.

Запомни, ты ни в чём не виноват. Тебе совершенно нечего стыдиться. Не ты родил, вырастил, воспитал свою мать. Большинство детей копируют поведение родителей. Очень мало кто становится хорошим человеком из протеста. Ты уникал. Была бы рада назвать тебя другом. Подумай. Завтра в дорогу, у меня в пути время будет разработать методы коррекции. Главное знай — это всё решаемо. Не ты, как говорится, первый, не ты, увы, последний.

- Так я пошёл? Спасибо, что выслушала. Вернёшься, можно ещё прийти?

- Не моно, а нуно! Выше нос, кормилец государства баронского!

Долго думал Север, долго ко мне собирался. Как он там сейчас? Разбередил себе душу и остался без моей помощи. Когда мы вернёмся? По плану поездка туда-обратно десять дней, в Леувардене дней пять. Если всё благополучно пройдёт, то в середине февраля будем дома. Если не будем так резко тормозить, как сейчас!

Глава четырнадцатая.

Амелинда.

Старый добрый закон инерции не подвёл, я скатилась с сиденья, Леа с Вальдемаром сидели напротив и крепко стукнулись лбами. Такие дорожные инциденты очень часты, при необходимости резко затормозить лошадь испытывает сильную боль, останавливается почти мгновенно, у неё нет тормозного пути.

Пока я барахталась на полу в юбках, дядя крикнул мне на современном немецком: «Сидите, не высовывайтесь!» Вот зачем он это сказал? Для провокации меня на необдуманный поступок? Мне только запрети, тут же нарушу.

Через секунду я приоткрыла дверцу, увидела, что справа из неглубокого оврага поднимаются и бегут, нелепо задирая ноги, по колено в снегу вооружённые чем попало люди, скачут шесть всадников. Снег разлетается красивым веером из-под копыт.

Наша разведка верхами проверяла дорогу только впереди, не предполагая, что с просматриваемых безлесных флангов тоже могут напасть. Леа полезла под лавку, вооружилась совком для углей, набрала из печки рдеющую красно - синим цветом кучу.. Вальдемар достал из ножен шпагу, закрыл изнутри дверцу на прочную щеколду. В слюдяное небольшое оконце увидели, как один за другим резко останавливаются, а затем падают нападающие.

Все возникшие-воины держали под рогожей в саних по два заряженных арбалета. Фактор неожиданности. От людей в крестьянской одежде никто не ожидал настоящего сопротивления. Это сыграло решающую роль: опыт и меткость ветеранов. Четыре лошади из шести были ранены, они дико метались по заснеженному полю, не подчиняясь всадникам, хладнокровный расстрел продолжался.

Уже более чем половина человек была выведена из строя. Разбойники на бегу не могли стрелять, они начали отступать, увязая в рыхлом снегу. Несколько стрел из луков всё же выпустили. Но было слишком поздно. С авангарда успели прискакать разведчики. Подбежали арбалетчики с хвоста обоза.

Ещё десять минут ржали добываемые раненые лошади, доносились предсмертные вскрики людей. Отряд разбойников из шести конных и двадцати трёх пеших человек просто перестал существовать.

Дядя не дал нам выйти. Просто придурочно мешал, толкал обратно на сиденье, говорил: «Нет, нет, сидеть!». Леа предложила подождать, пока к нам подойдут, проверить, как мы тут. Разгорячённые боем воины не сразу вспомнили про двух женщин и инвалида. Был бы тут Гордей, вмиг бы примчался. В дверцу постучал Услад:

- Можно выходить, тронемся не скоро, разомнитесь. Уже безопасно.

Миловидное лицо Улада было в мелких брызгах чьей-то артериальной крови. Он улыбнулся, услужливо подал мне руку. Посмотрел на неё, решил подставить локоть.

- Раненые, убитые у нас есть?

- Легко ранен Руди, в плечо. Сейчас подойдёт. Меня вот немного подрезал в бедро мертвец, ожил и подрезал.

- И всё?

- Две лошади наших ранено, стрелами. Думаем, что делать с ними.

- Залезай, рану обработаем, перевяжем. Дядя Вальдемар, иди погуляй, тесно тут.

Подожёл Руди. Лазарет начал работу. Дублёнка мехом внутрь, поддоспешник, свитер, рубаха. Стрела еле пробила такую толщу, застряла только половина наконечника, не сложно, дёрг и всё.

- Ой, сомлел!

- Не хлопай, пусть лежит, мешать не будет. Усад, снимай пока штаны. Леа, помогай! Да не ему, мне!

Руки обработать. Немного драгоценного спиритус вини на ранку, гигиену для раненых, то бишь впитывающий стерильный, ну почти, пакет из мха, тугую повязку, но не слишком. Проще простого. Руку на привязь. Готов.

- Следующий. Леа, потри ему уши. Да не ему – Руди! Очнулся? Выпроводи его.

- Усад, какое же это бедро, это в попу тебя ранили.

- Куда, госпожа?

- В зад, говорю, пырнул тебя мертвец. Нехорошо, рана узкая, но глубокая. Ушью немного, придётся дренаж ставить. Леа, палку ему в зубы. Поверх ног ляг, нет, лучше сядь. С Богом, первенец мой!

Мне не страшно, не страшно. Это просто подушка, белая жёсткая подушка. Руки обработала. Мои руки тёплые, мягкие, спокойные. Пятно на ткани вывела. Спирт на бинтик, внутрь подушки толкаем, чем толкаем? Этой, как её, толкалкой, её спиртом тоже.

- И так бы зажило. Ой, дерёт! Дерёт! Подуйте, подуйте! Благодарствую, госпожа баронесса, что не побрезговали.

- Зажило бы у него. Огневицу не видел? Или полжопы отрезать не жалко? А из «благодарствую» шубы не сошьёшь. Талер госпоже Эмме отдашь. Куда! Лежать!

Иголка с ниткой в спирте. Дырочку в подушке зашиваем, края стягиваем. Звук неприятный. Хрусь-хрусь. Фу! Хвостик оставляем. Немного вокруг ещё раз обработаем. На подушку красиво накладываем маленькую подушечку со сфагнумом, лейкопластыря нет!

- Вокруг перевязывать, сколько бинтов уйдёт!

- Нашла на чём экономить! Квакни мне ещё раз, семь новых платьев закажу и горничным подарю!

- Скорее, трофеи там делят!

- Поделят на всех, если будет что делить, и твою долю принесут. Рана схватиться должна. А то вместо одной будут две. Даже не спрашивай чего.

- Там чужаки с других баронств, а как обделят?

- Да что ж ты жадный-то такой! Пойду прослежу. Заодно лошадок Руди посмотрит. Руди!!! Хватит притворяться, вставай, пошли, если уши тебе дороги! Леа, прекрати ему их тереть! Раненый Усад должен лежать. Это приказ!

Девственно белый снег осквернён насильственной смертью. В нелепых позах лежат молодые и не очень люди. Те, у кого открыты глаза, смотрят в небо. Небо равнодушно отражается в мёртвых глазах. Души там уже нет, хотя мертвенная бледность ещё не покрыла их лица. Старые шрамы, рывтины оспин, неопрятные бороды, чёрные зубы в раззявленных в последнем крике ртах.

Ветерок нежно шевелит волосы. Тихо ложатся снежинки, ткнут белый саван. Природа любит всех своих детей, ей возвращать их атомы на перерождение, к новой жизни. Только что жили. Только что были. Я отупело взираю на происходящее. Это ведь всё понарошку, да?

Кровь ещё сочится из ран, а тела уже стаскивают в один ряд. По одному от каждого баронства воину идут вдоль ряда покойных, срезают нательные пояса и кошель, складывают в одну кучу.

Потом стаскивают обувь, только добротную. Шмонают ещё тёплые сапоги на предмет заначек. Находят. Сапоги складывают в другую кучу.

Затем приходит черёд оружия и доспехов. Берут всё, включая деревянные щиты. На топливо. Подходит старший обоза, Людвиг. При нём начинают подсчёт и дележку. Как-то порядочно, без лишних выражений, меня, наверно, стесняются.

А, нет, возник громкий спор. Пока он не разгорелся, подхожу ближе. Не могут поделить ценную вещь – большой, с четверть женской ладони, овальный медальон с мелкими изумру-

дами по контуру и гравировкой, на толстой витой цепочке, из светло-жёлтого золота. Хорошая проба.

Я молча протягиваю ладонь Людвигу. Он кладёт на неё медальон. Все оторопело на меня смотрят. Поднимаю бровь. Она у меня выразительная. Отворачиваются, делят дальше. Очень тихо.

- У кого нашли?

- Разве упомнишь, рожи разбойничьи все одинаковы. Вещица приметная. Может, пленник знает?

У нас есть пленник. Даже знаю, для чего его в живых оставили.

- Он в моём возке, четыре сцепки вперёд пройдите, госпожа Амелинда. Там в карауле Ратибор ваш стоит.

Заглядываю внутрь. Пленник ещё не дошёл до стадии принятия, гневается, громко мычит, дёргает ногами. Адреналин пока не вышел. Не так уродлив, как остальная компания. Лет тридцати, может, чуть моложе. Лучше всех одет, кольчуга, длинные сапоги светлой кожи. Руки в перстнях. Дело ясное, из благородных, либо хочет таким казаться. Поэтому жив, дорого стоит, много знает.

- Сколько до конца пути нам осталось, Ратиборушка?

- Два дня и две ночи по самой Фризии. Рядом совсем граница.

- Как ты думаешь, кто он?

- Думать нечего, госпожа: рыцарь-разбойник. Раубриттер.

- По моему разумению, либо рыцарь, либо разбойник, третьего не дано. Пытать будете?

- Не без этого, госпожа. Если упрётся. Мы в сторонку отойдём, не побеспокоим.

- Я вежливо с ним поговорю, он всё расскажет, обещаю. Не надо пытать. Хорошо связали? Ладно-ладно, не обижайся. Выйди из возка, трофеи погляди, как делят.

- Не можно. Рядом постою. Зря Вы с разговорами, бесполезно. Иногда упреешь, пытаючи, а всё молчат. Этот, видать, крепкий орешек. Сюда бы покойную Иоганну фон Берг, живо бы всё выложил. Ужасъ ведь, что с девками творила! Луц-трепач щедро поделился информацией с друзьями.

Сначала расспрошу пленника про медальон. Потом гипноз, чистосердечная исповедь. А дальше с ним как поступить? Преступление на территории графства. Тащить с собой, потом обратно... Пусть сами разбираются, может, во Фризии казнят. Вроде успокоился.

Так, посмотрим поближе, кто у нас тут. Посмотрела. Жить он точно будет, даже потомков наплодит. Если иначе... То есть вероятность: не встречу бургомистра Георга Брунка в будущем. Возможно, события пойдут по другому сценарию, вдруг не смогу выкупить флигель у другого человека. Не попаду в это время и место. Уроборос его побери! Достала золотую цапку, показала. Глаза-льдинки пучит, головой трясёт. Похоже, готов к диалогу.

- Отвечаешь коротко, вежливо, по существу. Будешь сквернословить, поедешь в шкурах, привязанный к последним саням, в собственном говне. Будешь сотрудничать, возьмём выкуп как со знатного пленника и отпустим к маме.

- К маме не надо. Она давно покойница. Там её портрет в медальоне, думал, потерял.

- Твоя, значит, побрякушка. Крыса у тебя в отряде завелась. И кто ты такой, маменькин сынок?

- Прикуси язык, девка, я барон Еппелейн фон Галлинген!

- Повежливее, барон. Лучше молчи. Не то войдешь в историю как барон фон Дерьмо. Баронесса Амелинда фон Мюнних. Красивая вещица. Как блесит, посмотри, вот я её раскачиваю туда-сюда, переливается на свету красиво. Смотри внимательно, твоя любимая вещь, блесит, блеск слепит глаза. Хочется прикрыть веки, прикрыть глаза... Веки тяжёлые. Глаза слипаются, слип-спать, спать...

Прямо неинтересно работать, легко внушаемый тут народ, никакого сопротивления. Тоже мне крепкий орешек. После адреналинового выброса всегда клонит в сон. Я сегодня точно буду спать крепко.

Этот маменькин сынок с эпичным именем Еппелейн с удовольствием поведал мне тайну трёх своих схронов и даже любезно изобразил их местоположение с ориентирами угольком на подоле моей серенькой нижней юбки. Потом он напрочь и навсегда забыл про два клада. Мы не жадные, просто деньги тоже движущая сила прогресса. Поэтому узнают наши обозники только один, самый бедный адрес. В кого я превращаюсь?

- Ратибор. Пленник поспит ещё, немного ослабь путы. Он действительно из благородных, готов дать клятву на мече, внести выкуп. Мне нужно скорее пойти нарисовать карту их схрона, пока хорошо помню.

- Сделаю, госпожа Амелинда.

Конечно сделает, видно - побаивается меня. Они жестоко пытать собрались, а я просто вежливо поговорила. Немного оттопыривая подол верхней юбки, как бы придерживая, спешу к себе. Нужно организовать транспортировку Услада в другой возок, с ним для ухода сестру милосердия. Леа охотно переезжает, Услад смущённо лежит на плаще лицом вниз и помалкивает. Получает порцию забористых шуточек от товарищей и рукавицу с монетами - свою долю трофеев.

Наконец мы с Вальдемаром одни. Он помогает мне задрать верхнюю юбку, я придерживаю её у груди. Критически оглядев "карту сокровищ", дядя начинает зарисовывать одну схему отдельно, две - на другом кусочке пергамента. Я повторяю несколько раз названия деревень и ориентиры. Тренированная память разведчика архивирует файлы. Резко открывается дверца, блин, щеколда!!!

Глава пятнадцатая.

Амелинда.

- Людвиг! Вернись, жди здесь. Сейчас дядя закончит карту срисовывать.

Во избежание лишних мыслей, эту неловкую ситуацию срочно нужно легализовать. Казалось бы, что такого? Женщина в нижней юбке, увидел её случайно мужчина? Нет! Это стыд-позор ужасный, причём обоим. Дикая люди!

А моя реакция? Я так испугалась, застеснялась, будто он меня на толчке застал! Адаптируюсь под здешнюю мораль, наверно. Вжилась, можно сказать, окончательно. Ещё неизвестно, что про нас с Вальдемаром подумает: племянница задрала юбку перед дураком дядюшкой. Так что пусть стоит, ждёт результатов.

У старшего обоза пунцовое ли

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.